

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Наталья Загурская. Заклинания гендера

Постмодерн: новая магическая эпоха 2. Трансформация гендера. Сборник научных статей, под ред. Л.Г. Ионина (Харьков: Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, 2003), 353 с.

Море непрерывно онанирует Ж.
Багай. *Солнечный анус*

Сборник *Постмодерн: новая магическая эпоха 2. Трансформация гендера* создавался на основе материалов второго мастер-класса профессора Л.Г. Ионина, проведенного в окрестностях Ялты в мае 2002 года. Уже на первом мастер-классе постмодерн был обозначен как «новая магическая эпоха». Магия в данном случае понимается «в самом широком смысле слова» - «как воздействие духа на реальность» (Л. Ионин. *Предисловие*, с. 6). Данная постановка вопроса сразу вызывает некоторое недоумение: вряд ли магию можно определить подобным образом в каком бы то ни было смысле слова, ведь, в таком случае, чем она будет отличаться от возвышенности философского идеализма или религиозной идеологии? Подозрения в логоцентричности подхода оправдываются при обращении к последнему разделу сборника - *Воспоминания и впечатления*: «Мастер... задолго до начала работы погрузил всех в свой сон, заставил блуждать в лабиринтах сна и затем представил как пробуждение рождение шедевра из хаоса» (Романенко С. *Место встречи изменить нельзя*, с. 347). Увиденный подобным образом Мастер, бодрствующий, но погружающий в свой собственный сон участников мастер-класса (Жульковская Е. *Сон и «сна» видения*) представляется не столько шаманом, сколько пророком, а то и самим творцом. Так что речь здесь идёт скорее не о магии, а о религии, причём о религии духа, а ведь как раз логоцентрические основания религии неоднократно служили поводом для разного рода деконструкций. В. Савчук, который концептуализировал постмодерн как «новую архаику», обращал внимание прежде всего на необходимость восстановления полноты связей между материей и духом, расчистки их каналов, засыпанных «наступающей пустыней разума»¹, попытка же «воздействия духа на реальность» как раз, напротив, нарушает эту связь, реанимируя субъект-объектные отношения. Именно поэтому в сборнике идёт речь не столько о гендере, сколько о поле, причём пол представляется чем-то пугающим, а значит, «магическим»: «... вос-

поминаний осталось море (снова море): заикание и покраснение в первый день обсуждения (ведь терминология ещё та!)» (*Там же*). Понятый в таком духе пол действительно захлестывает как море: «...эти сексуальные материи [а не, скажем, гендерные границы - Н.З.] не всегда легко объективировать и обсуждать отчужденно» (Ионин Л. *Попытка рефлексии*, с. 345).

Подобно христианской общине, участники мастер-класса оказались затертыми между морем страстей и фаллической фигурой Мастера, метафорами которых служат море и горы, между которыми и расположилась турбаза, где проходил мастер-класс. Этот мир одна из участниц прямо называет «элитарным миром между горами и морем» (Сорока Ю. *Между горами и морем*, с. 341). «Сможем ли мы найти язык в теме, где столько личного, интимного, часто драматического, ревностно охраняемого от чужих глаз? Сможем ли мы говорить об этом, сохраняя живую связь с реальностью? Наконец, сможем ли мы найти собственный язык в теме, где так густо наследили сексологи и феминистки?» (*Там же*) — сомневается она. Если понимать гендерное как половое, и тем более интимное, собственный язык действительно найти достаточно сложно, ведь в таком случае речь идёт об уникальном опыте, вербализация которого, несомненно, требует огромных усилий. Но для преодоления подобных трудностей, почему бы, вполне в постмодерном духе, не воспользоваться «следами сексологов и феминисток», не говоря уже об обширной гендерной, философской и социологической литературе. Но участники мастер-класса не искушаются торными путями и возвращаются к истокам, чтобы попытаться реконструировать путь, уже пройденный как западными, так и отечественными исследователями и теоретиками.

Итак, несмотря на то, что в заголовке заявлено исследование трансформации гендера, анализируется скорее пол как нечто единое, включающее в себя как собственно биологический пол, секс, так и гендер. Совершенно не случайным в этом контексте выглядит принцип подбора материалов для ридера. Это тексты, большинство из которых служат материалом для иллюстрации того, что Л.Г. Ионин называет «генитальная конституция модерна» - отрывки из работ Д.-А.-Ф. де Сада, З. Фрейда, А. Залкинда, М. Элиаде. Имеется в виду, что модерн, возвращающий телесность и сексуальность в культуру, предпринимает «попытки расколдовывания сексуальной сферы», но эти попытки вряд ли можно назвать успешными, а те, кто их предпринимает, «оказываются не в состоянии разрушить эту магию, основания которой заложены в самой природе человека» (Ионин Л. *Генитальная конституция модерна*, с. 25). Не случайно в поле зрения авторов сборника попадают самые мистифицированные теории сексуальности (Христофорова О. *Вильгельм Райх и обоснование «теории оргазма»*), а к авторам, которые вслед за Ж. Бодрийаром, полагают постмодерную сексуальность излишне рационализированной, возникают серьёзные претензии.

Вероятно, имеется в виду, хотя и не артикулируется, что постмодерн ставит саму возможность расколдовывания под вопрос и тем самым даёт повод для названия его «новой магической эпохой». Это положение вызывает сразу несколько принципиальных возражений. Во-первых, рассматривая проблему взаимоотношения модерна и магии, невозможно не учитывать не только веберовскую теорию, но и исследования франкфуртской школы, в которых убедительно показано, что современная рационализация сама по себе являлась одной из форм магии. Кроме того, одну из известных программных статей Ю. Хабермаса не случайно озаглавил *Модерн - незавершенный проект*, развивая мысль о том, что модерн - проект не только незавершенный, но и принципиально незавершимый, в связи с чем и возникает ситуация постмодерна как варианта незавершенного модерна. Участники же мастер-класса исходят из того, что «постмодерн - реализовавшиеся тенденции самого модерна» (Е. Грицай со ссылкой на первый мастер-класс в обсуждении выступления Л. Ионина *Мужская культура и женская культура*, с. 164). Такой подход к постмодерну действительно даёт возможность обозначить его как «новую магическую эпоху». Постмодерн действительно содержит в себе некоторые современные тенденции, однако как раз современное стремление к принципиальной новизне и уникальности, магия рациональности и, наконец, эпохальность вряд ли остаются актуальными. Во-вторых, в эпоху модерна сексуальность освобождалась только дискурсивно и, согласно фукианской концепции, такое дискурсивное освобождение оборачивалось ещё более жесткой репрессивностью. В-третьих, если, как это делает Л. Ионин, использовать фрейдовскую модель, конституция модерна может быть описана как фаллическая, а не как генитальная, что, собственно, и даёт основания говорить о современном логоцентризме. И, наконец, в-четвертых, и это наиболее важно в контексте гендерных исследований, говоря о «магии» женского автор противопоставляет её «научности» мужского. Этот подход уже со всей очевидностью демонстрирует неразличение понятий пола и гендера, смешивающихся, как уже упоминалось, в обобщенном понятии пола. Автором движет благородное стремление реабилитировать женское, базирующееся прежде всего на очарованности им, однако женское здесь излишне биологизировано и сексуализировано, а значит, учитывая упомянутое тяготение автора к духовному, выглядит «отвращающим, диким, жестоким, как менструальная кровь, как кровь и моча рождения, как органическое вообще» (*Там же*). Поэтому предлагается мистифицировать отвратительное, а значит, следуя Ю. Кристевой, остаться в плену его идеологических кодов. Если же авторы сталкиваются с десублимированным отвратительным, перверсивным и маргинальным, они предпочитают не замечать его вовсе: «Отказ от ограничений и запретов привёл к тому, что всё стало сексуальным, и от этого секс, перешагнув свои прежние пределы, став почти безграничным, как бы растворился и исчез. Энергия сексуального влечения оказалась попусту растраченной и перестала питать

культуру» (Романенко С. *Агония сексуального*, с. 68), противореча при этом процитированному выше предположению Ж. Бодрийяра по поводу того, что секса уже больше не существует в самом сексе.

В целом, несмотря на социологический уклон сборника, свойственные его авторам методологические подходы можно обозначить как эссенциалистские. «Естества = пол (то, что природно, независимо от нашего "воления") говорит с самого рождения, что мы часть материального мира, а общество рождает и формирует нас как духовных сущностей» (Балабанова Н. *Несколько слов о нас...* с. 27). Это означает, что заявленная трансформация гендера является сугубо регрессивной, поскольку её вектор устремлен либо в сторону пола, либо в сторону возвышенного объекта идеологии, по отношению к которым он до сих пор эмансипировался, прилагая к тому титанические усилия. Если же предположить, что речь идёт о движении эмансипации не как о стремлении к освобождению, а как о стремлении к свободе, неразрывно связанной с ответственностью, в данном случае, ответственностью перед полом, то тогда, снова же, камнем преткновения становится склонность авторов к его мистификации. Даже анализируя очевидно гендерные по своей сути концепции, скажем, С. де Бовуар, М. Фуко или Т. де Лоуретис, авторы сборника всё же пытаются втиснуть гендер в рамки пола (Е. Волянская. *Основные теоретические модели пола, половой идентичности и половой практики*, Ходус Е. *Пол, рефлексия, выбор*).

Другой вектор, направленный в сторону идеологизации пола в качестве побочного результата приводит к уже упомянутой идеализации фигуры Мастера. В этой связи совершенно не случайным представляется то, что конкурсные эссе, написанные до того, как проводился мастер-класс (Николко М. *Телесность текста: Оксана Забужко и Сёй-Сенагон*, Легеза С. *Лара Крофт vs. терминатор: гендерные репрезентации в игровом пространстве* и др.) выглядят в целом более актуальными, чем выступления и их обсуждения, а также итоговый «интеллектуальный продукт». Однако невозможно переоценить их просветительский характер. В этой связи стоит упомянуть такие статьи, как *Категория гендера: актуальность и смысл* Е. Грицай, *Сексуальность и гендер: меняющиеся образы и формы репрезентации* С. Легезы и Е. Ходус, *Соблазн* Л. Малес и др. Они, как и сборник в целом, вполне могли бы быть рекомендованы в качестве учебных материалов для лекционных курсов по гендерной проблематике. Некоторые другие статьи - *Философия женщины* Е. Грицай, *О женственности* О. Христофоровой - вписываются скорее не в просветительский, а в просвещенческий контекст, учитывая выраженное выделение женского из человеческого в целом, что дало один из поводов усомниться в эмансипационном потенциале Просвещения². Природа и природное служат объектом пристального внимания авторов - Шалаева К. *Про природу жіночого й природу чоловічого*, Савельев Ю. *Природа и социокультурная трансформация сексуального* - и при этом не только заклинаяются, но и замещают-

ся подобно тому, как ранее заклинались и замещались в трудах просветителей. Результатом реализации этой стратегии является разделение на мужскую и женскую культуры. Женская культура оказывается значительно более тесным образом связанной с природой, причём природой опасной и отвратительной. Именно такое видение двух культур предлагает в своём выступлении *Мужская культура и женская культура* Л. Ионин. Он исходит из концепции К. Пальи, однако, если она утверждает не только естественность, но также имманентность и спонтанность дионисийской женской культуры, то для Л. Ионина она маркируется как очаровывающая, но одновременно отвратительная и опасная. Ключевыми фигурами женской культуры в этом случае оказываются Великая и Ужасная Мать и *Femme fatale*. Нетрудно заметить, что истоки такого подхода можно обнаружить не столько в работах К. Пальи, сколько в традиционалистской трактовке женского. И хотя в *Мужской культуре и женской культуре* прослеживаются попытки критического подхода к такого рода взгляду, бывает достаточно трудно отграничить то, что подвергается критике от оригинальной позиции автора. Но это выглядит вполне оправданным в контексте магического синкретизма, равно как и нерасчленность рационализма и самой магии, модерна и постмодерна, пола и гендера.

¹ Савчук В. «От постмодернизма к "новой архаике"», *Символы в культуре* (СПб., 1992), с. 144.

² См. Жеребкин С. «Пол Разума: "является ли Просвещение эмансипационным?"», *Гендерные исследования*, №4, 2000.

Евгения Иванова. «Феминизм и гендерное равенство», или «С другой стороны...»

О. Воронина. Феминизм и гендерное равенство (М.: Едиториал УРСС, 2004), 320 с.

Данная книга - одна из немногих русскоязычных книг, столь детально рассматривающая проблему именно гендерного равенства, к тому же в парадигме феминизма. В то же время само название «Феминизм и гендерное равенство» предупреждает читателей о некоторой двойственности, которой, на наш взгляд, пронизан весь текст книги Ольги Ворониной. Довольно часто в

процессе размышления над текстом хотелось сказать по отношению к нему: «... а вот с другой стороны...».

С одной стороны, речь здесь идет о феминизме - политическом движении и идеологии, определенном мировоззрении и соответствующей практике, с другой - о гендерном равенстве (в то время как некоторые феминистские течения отвергают саму идею «равенства» как порождение «мужского» мира, не включающего иной, в данном случае женский, опыт, предлагая вместо нее идею «различия»).

С одной стороны, автор часто оперирует категориями «мужчины» и «женщины», с другой стороны, появляется более широкое по своему значению понятие «гендер».

С одной стороны, книга - «обо всем» (здесь широко представлены идеи различных феминистских течений, развитие теорий в различные исторические периоды, концепции представительниц разных по социальному и политическому устройству стран - США, Франции, Великобритании, Скандинавских стран, РФ), с другой стороны - обо всем этом сказано «по чуть-чуть», лишь обозначая направления и их основные идеи.

Некоторая двойственность наблюдается и в определении адресатов книги: читателями видятся как деятели науки, так и неискушенные в области гендерной теории политики и общественные деятели.

В книге, например, можно найти описание того, как принципы гендерного равенства включены в международно-правовые документы и в деятельность различных международных организаций - таких, как ООН, ЮНЕСКО, МОТ, ВОЗ, Европейский Союз. Но при этом исследовательница погружает нас в более широкий контекст феминистского теоретического осмысления социальной реальности и принципов устройства общества. Выражаясь словами самой Ольги Ворониной, «Феминизм и гендерное равенство» - это социально-философский анализ понятий равенства и различий женщин и мужчин в феминизме, а также развития концепции гендерного равенства.

Таким образом, «Феминизм и гендерное равенство» в некоторой степени представляет собой продукт попытки соединить «два в одном», в результате чего книга приобрела свои особые черты.

К одной из таких черт я бы отнесла, прежде всего, контекстуальность повествования - вниманию читателей предлагаются не только сущность той или иной концепции, но и контекст, в котором теория появилась. Вместе с этим краткость изложения текста позволяют использовать его как конспект, который содержит в концентрированном виде базовую информацию по данной теме, дает направление в дальнейших изысканиях по интересующему вопросу, систематизирует и обобщает имеющиеся знания, например, об определенном направлении феминистской мысли и т.д. Однако говорить о том, что содержащаяся здесь информация будет полезна только как обобщение и нова только для

«не-специалистов» в области проблем равенства или гендерной теории, означало бы сильное умаление достоинств этой книги. Например, автор уделяет довольно много внимания описанию и сравнению различных типов государственных программ гендерно-чувствительной политики, существующих в США, Канаде, Австралии, Норвегии, Швеции и других странах-обладательницах репутации лидеров в данной области (с. 43-62). К этим программам относятся, в частности, позитивные действия, политика обратной дискриминации и специального обращения в отношении женщин. О некоторых программах говорят часто и много, о других - известно меньше, но не часто можно встретить в русскоязычных текстах описание сущности этих подходов, их сравнительный и критический анализ.

Одновременно с этим «Феминизм и гендерное равенство» носит в большей степени описательный характер, нежели объяснительный, т.е. информирует о том, как было, но умалчивает о причинах и механизмах явления.

Особый интерес, на мой взгляд, этой книге придает глава, содержащая анализ моделей гендерного равенства северных стран, к которым относятся Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Швеция. Именно опыт скандинавских стран (Норвегия, Дания, Швеция) оценивается как наиболее успешный в области достижения гендерного равенства. Довольно часто можно услышать ссылки именно на позитивный опыт этих стран, однако в русскоязычном дискурсе практически нет исследований, посвященных детальному анализу данного вопроса. Ольга Воронина предлагает читателям ознакомиться с опытом поиска путей достижения гендерного равенства в Северных странах, уделяя при этом особое внимание Швеции и Норвегии - признанным лидерам в данной области. Единственным минусом данной главы, на мой взгляд, является компоновка материала таким образом, что благодаря сравнению одних и тех же стран в разных частях одной главы, объему информации и повторяемости сравниваемых аспектов после первого прочтения остается легкое ощущение «дежа вю» - чтения по второму кругу и запутанности изложения.

Интересной и придающей определенную завершенность исследованию является глава «Теория и практика гендерного равенства в России», в которой автор задается вопросом о том, что можно и нужно сделать в России для включения принципа множественности разнообразия в нормы права и социальную политику государства (с. 295). Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, исследовательница рассматривает данную проблему в историческом контексте: начиная с дискуссий середины 19 - начала 20 веков, советских политик равенства и заканчивая постсоветской политикой государства в отношении гендерного равенства. Специфика исторического развития определяет уникальность гендерного порядка современной России. Эта уникальность связывается, прежде всего, с опытом советской государственности, приведшей к формированию особого типа гендерной системы - «советского неопатриархата»

(с. 239), при котором механизмом дискриминации женщин являлись не мужчины как группа, а государство (с. 249), для которого характерно наличие «бесполого общества с маскулинистской идеологией и андроцентричной социальной структурой» (с. 250).

В результате анализа теории и политики в области гендерного равенства в РФ автор констатирует наличие в РФ «нескольких разноплановых тенденций: на фоне формальных квазидействий правительства по „улучшению положения женщин“ происходит реальное усиление гендерного неравенства; ... усиление гендерного дисбаланса и нарастание противоречий и напряженности в этой сфере» (с. 295).

Не совсем понятным и немного смущающим для меня оказалось содержание секции «Психоанализ и феминизм» Джулиет Митчелл из раздела «Психоаналитический феминизм». Автор пишет о том, что Митчелл «одной из первых предприняла попытку использовать психоанализ для феминистских целей» (с. 108) и, используя идеи Фрейда и Леви-Стросса, размышляла над сущностью табу на инцест и показала, что «обмен женщинами между биологическими семьями выступает первым актом налаживания социальных отношений» (с. 108). Джулиет Митчелл действительно была феминистским психоаналитиком и пыталась использовать теорию психоанализа (в ее лакановской интерпретации) для целей феминизма¹. Она упоминает - правда, вскользь - антрополога Малиновского² и много пишет о женской сексуальности³. Об «обмене женщинами» же довольно много пишет не Митчелл, а Гейл Рубин, например, в своем тексте «Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола»⁴. Рубин в этом тексте также основное внимание уделяет человеческой сексуальности, однако задается она в большей степени не вопросом о женской субъективности (как Митчелл⁵), а о том, есть ли что-то более культурно сконструированное, чем сексуальность, и каковы механизмы ее ген(д)ерирования в культуре⁶.

Заявленная автором полезность книги для довольно широкого круга читателей - от студентов до преподавателей, от научных сотрудников до политических и общественных деятелей - подтверждается и наличием в конце книги глоссария основных понятий. С одной стороны, это должно разъяснить незнакомые и/или малознакомые термины, встречающиеся в книге, с другой - позволить систематизировать или проверить имеющееся знание терминологии. Однако желание сбалансировать между этими двумя интенциями похоже на попытку усидеть на двух стульях, при которой стремление доступно объяснить «все про гендер» приводит к изрядному упрощению (или упущению) основных понятий. Например, «гендер» определяется как «понятие, которое относится к социальным (а не биологическим) различиям между женщинами и мужчинами...» (с. 302). Конечно, большинство гендерных исследователей соглашались с тем, что сейчас не существует единого и однозначного понимания данного термина, можно согласиться и с тем, что в конечном итоге большинство пред-

ставителей рода человеческого можно свести к двум биологическим группам - мужчинам и женщинам. Но даже если оставить в стороне спор о том, чем больше является гендер - объектом или методом исследования, стоит отметить, что гендерная теория развивается уже несколько десятилетий и успела наработать большое количество теорий и подходов по этой проблеме, и категория гендера предполагает не просто артикуляцию факта различий между двумя биологическими группами, но и анализ властно-подчиненных отношений между группами, разделенными по признаку пола (а также расы, возраста, социального положения и т.д.), их социальной реальности, изучение культурно доступных символов и репрезентаций, нормативных концепций интерпретации значений этих символов, гендерной идентичности, исследование политических и социальных институтов организации гендерного порядка и т.д.

Стойкое желание говорить только о различиях между «мужчинами» и «женщинами» прослеживается и при определении понятия «гендерное измерение», которое видится как «аспект любой проблемы, которая имеет отношение к гендеру, т.е. различиям в жизни женщин и мужчин» (с. 302).

Еще одно понятие, значение которого из-за желания автора объяснить его сущность проще, на мой взгляд, стало не совсем понятным - это «гендерные отношения». По словам О. Ворониной, гендерные отношения - это тип отношений, «характеризующийся неравным распределением власти между женщинами и мужчинами» (с. 302). Гендерные отношения, конечно, как и все «гендерное», предполагает анализ властно-подчиненных отношений. Но означает ли это, что если можно констатировать факт отсутствия неравенства в определенной культуре или обществе, то и самих гендерных отношений в них не существует? В любом случае, без детализации этот момент (для меня) остается не проясненным.

Цель подобного (упрощающего) подхода кажется понятной: прежде, чем погрузить людей в пучину гендерных дебатов, необходимо им дать какую-то почву под ногами - базу, основной корпус идей и текстов, без понимания которых невозможно обсуждение «деконструктивистски нагруженных» проектов. Но концентрация внимания в основном на словах «женщины и мужчины» при любом разговоре о гендерных проблемах в контексте повышенного внимания к данной теме приводит, например, к появлению и укоренению многочисленных исследований и статей, в названии которых в различных вариациях звучит слово «гендер», а содержание пропитано патриархатными идеями. Типичной для современной Беларуси, например, является статья Е. Прокопчик «Гендерная культура учащихся» в разделе «В помощь воспитателю» журнала для педагогов «Проблемы выхавання» («Проблемы воспитания»). «Концепция воспитания детей и... молодежи в Беларуси предусматривает воспитание гендерной культуры, которая предполагает формирование... представлений о жизненном предназначении мужчины и женщины, присущих им положительных качествах

и чертах характера. . формирование представлений о мужском и женском достоинстве... »⁷ - пишет Е. Прокопчик, выделяя в качестве критериев сформированное™ тендерной культуры «установление правильных взаимоотношений мальчика и девочки, юноши и девушки; наличие качеств, характерных для мальчика...: смелость, мастерство, рыцарство, благородство, умение преодолевать трудности и т.д.; наличие качеств, для девочки...: доброта, женственность, мягкость, терпимость, забота, любовь к детям»⁸, и предлагает инструкции того, как нужно добиваться от детей «истинной» женственности и мужественности⁹. Очень хочется сказать автору приведенных строк о том, что существует много способов изучения мужчин и женщин. Гендерный - лишь один из них, изобретенный именно для того, чтобы выйти из тупика, в который может привести оперирование только категориями мужчины/женщины без анализа других аспектов и факторов. И это заставляет обратиться к размышлениям о том, что именно все-таки мы можем/станем называть «гендерным», кто это может решать и каковы могут быть критерии оценки?

¹ См., например, Митчелл Дж. «Женская сексуальность. Жак Лакан и *ecole freudienne*. Введение», *Введение в гендерные исследования*, Ч. II.: Хрестоматия, под ред. С. Жеребкина (Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001), с. 532-560.

² Там же, с. 539.

³ Там же, с. 539.

⁴ Рубин Г. «Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола», *Антология гендерной теории*, сост. Гапова Е., Усманова А. (Минск: ПроPILEI, 2000), с. 98-113.

⁵ Митчелл Дж. «Женская сексуальность. Жак Лакан и *ecole freudienne*. Введение», *Введение в гендерные исследования*, Ч. II.: Хрестоматия, под ред. С. Жеребкина (Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001), с. 532-560; Жеребкина И. «Феминизм и психоанализ», *Введение в гендерные исследования*, Ч. II.: Хрестоматия, под ред. С. Жеребкина (Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001), с. 359-362.

⁶ См. Рубин Г. «Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола», *Антология гендерной теории*, сост. Гапова Е., Усманова А. (Минск: ПроPILEI, 2000), с. 98-113.

⁷ Прокопчик Е. «Гендерная культура учащихся», *Проблемы выхавання (Проблемы воспитания)*, серия: У дапамогу педагогу (В помощь педагогу), №1, 2004 (Минск: «Адукацыя і выхаванне», 2004), с. 99.

⁸ Там же, с. 99.

⁹ Там же, с. 99-107.

Анна Альчук: А.В. Азарх-Грановская. Воспоминания. Беседы с В.Д. Дувакиным (Москва, Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2001), 198 с.

Данная книга относится к жанру воспоминаний-интервью, благодаря ей мы становимся свидетелями беседы двух чрезвычайно ярких, талантливых и образованных людей: известного литературоведа Виктора Дмитриевича Дувакина (1909-1982) и Александры Вениаминовны Азарх-Грановской (1892-1980). Опубликовано семь бесед, записанных в 1968-1973 годы. Последнюю, восьмую, беседу записала М.В. Радзишевская. Несомненным достоинством книги является ее удивительная непосредственность и эмоциональность, мы как бы чувствуем все многообразие интонаций этого интереснейшего диалога. Текст пестрит междометиями, многие фразы многозначительно обрываются, тогда мы чувствуем, что подразумевается гораздо больше, нежели можно выразить словами. Это взволнованное повествование рисует перед нами не только множество знаменитых персонажей ушедшей эпохи, бывших близкими друзьями рассказчицы, но и ее саму, сохранившую на восьмом десятке ясность ума и живость характера.

Александра Азарх-Грановская (в девичестве Идельсон) родилась и провела детство в Витебске. Не имея возможности из-за еврейского происхождения поступить в российский университет, она уехала учиться медицине сначала в Брюссель, а затем в Париж. В 1915 году она возвращается в Россию, где встречает своего будущего мужа, Алексея Михайловича Грановского. Она поступает в организованную им Еврейскую театральную студию, которая через год преобразуется в Московский Государственный еврейский камерный театр. Азарх-Грановская становится актрисой этого театра, и в 1928 году вместе с театром отправляется на гастроли в Европу. Из этой поездки Грановский не вернулся. Александра же возвратилась на родину в 1933 году и начала преподавать в организованной Михоэлсом театральной школе-студии. В 1935 году в результате несчастного случая она лишилась ноги, однако, несмотря на инвалидность, продолжала преподавание театрального искусства. Этой удивительной женщине довелось знать и дружить с одними из самых блестящих людей 20 века: братьями Томасом и Генрихом Маннами, Стефаном Цвейгом, Бехтеревым, Маяковским, Шагалом, Альтманом, Фальком, Михоэлсом, Бабелем, Гумилевым и многими другими.

В книге особенно много говорится о Маяковском, так как изучавший его Дувакин хотел знать о поэте как можно больше и постоянно спрашивал о нем свою собеседницу. Выяснилось, что Маяковский какое-то время ухаживал за Александрой Вениаминовной, но тогда, в 1915 году, она не отнеслась к этому серьезно. Она глубоко обидела поэта, когда однажды, подойдя к телефону и

услышав, что Маяковский хочет с ней говорить, «очень неосторожно, не меняя тембра и интонации голоса, сказала: «А ее нет дома»». На что Маяковский ответил: «Я вас великолепно узнал, Александра Вениаминовна. Следующий раз вы будете разговаривать со мной, когда я буду стоять памятником на площади моего имени». После этого, встречаясь с ней, Маяковский делал вид, что ее не замечает. Только в 1921 году, когда она была уже замужем за Грановским и выступала в его театре, Маяковский подошел к ней со словами: «А я все помню» и процитировал строчку:

«И те, кто обидели,
Мне всех дороже и ближе».

Очень хорошо знала рассказчица и семью Бриков, с Лилей Юрьевной Брик ее связывало множество общих воспоминаний. Дело в том, что первой невестой Грановского была Лиля Юрьевна. Их свадьба расстроилась, но Брик никогда не скрывала, как дорог ей был этот человек и какую сыграл «громадную роль в ... жизни». Личность Лили Юрьевны вновь и вновь возникает в разговорах Дувакина и Азарх-Грановской. Разговаривая о Маяковском со многими знавшими его людьми, Дувакин слышал много нелестных отзывов о Лиле Брик. Он периодически ссылается то на одного, то на другого общего знакомого, пытается понять противоречивый характер этой незаурядной женщины. На том, что Брик - женщина незаурядная, что ей присуща масштабность, настаивает Грановская. Она сравнивает ее с сестрой, Эльзой Триоле. Эльза, считает рассказчица, была в обычном смысле и красивее, и способнее сестры. Лиля, по ее мнению, «была очень одаренная дилетантка», а внешне была очень своеобразна, с «глазами мадонны и ртом вакханки». При этом ее личности был присущ определенный размах, в ней было, по словам Грановской, нечто королевское. Например, в отличие от своей сестры, которая ненавидела соперниц (в свое время Триоле в Париже была увлечена Грановским и не могла скрыть своей неприязни к его жене), она никогда не опускалась до зависти к какой-либо женщине. «Она признавала внешность и красоту других женщин именно как королева». Кроме того, в ней было подлинное великодушие и отзывчивость. Александра Вениаминовна перечисляет женщин, которым Брик помогала в трудные моменты их жизни, помогла она и ей самой, когда, став инвалидом, она осталась на какое-то время без средств к существованию. Причем, оказывая помощь, Брик скрывала свою причастность к этому, и люди узнавали об этом случайно.

Впрочем, немало говорится в беседе и о связи Лили с ГПУ через Осипа Брика и ее любовника Агранова (некоторые называли ЛЕФ филиалом ГПУ, а квартиру Бриков - отделением милиции), о ее неприглядной роли, когда Маяковскому отказались выдать паспорт для поездки в Париж, где он хотел встретиться с Яковлевой.

Интересный сюжет связан с дневником Лили Юрьевны, который она из опасений перед НКВД впоследствии уничтожила. В свое время она хотела его напечатать и дала почитать их общему с Грановской знакомому, чтобы узнать его мнение на этот счет, а тот решил посоветоваться с Александрой Вениаминовной и дал ей почитать этот дневник. Как и все знакомые Лили Юрьевны, она считала, что печатать его ни в коем случае нельзя. Более того, Азарх-Грановская вспоминала этот дневник с неподдельным ужасом и очень обрадовалась, когда Дувакин рассказал ей, что дневник был уничтожен самой Брик. Дело в том, что в нем Лили Юрьевна с предельной откровенностью описывает свои интимные отношения со многими мужчинами, в том числе и с Маяковским, причем последний, судя по многочисленным оговоркам, предстает в самом унижительном (для мужчины) свете. Для многочисленных поклонников поэзии Маяковского публикация подобного дневника, как считает Азарх-Грановская (Дувакин соглашается с ней), была бы ударом.

Другая тема книги - Еврейский камерный театр, основателем которого был Алексей Грановский. В 1920 году Еврейский театр переехал в Москву, где началась активная и масштабная деятельность Грановского как режиссера. Он умел привлечь самых талантливых людей своего времени. Например, он взял в театр (до этого он получил отказ в нескольких театральных студиях из-за своей непрезентабельной внешности) и воспитал гениального актера Соломона Михоэлса. Он сотрудничал с такими замечательными художниками, как Шагал, Тышлер, Альтман. Особенно много сделал для еврейского театра Марк Шагал. «Надо было принять его нереальный облик реальной жизни. Все это почувствовал Грановский. Шагал через фантазмагорию пытается преобразить нищенский мир местечкового существования. Это то, о чем мечтал на сцене и Грановский», - вспоминает Александра Вениаминовна. Все спектакли (среди которых «Колдунья», «200 тысяч», «Мистерия-буфф», «Ночь на старом рынке»), которые ставил Грановский, шли с колоссальным успехом. Режиссер создавал из них мистерии-оратории, где большую роль играла музыка и освещение, «каждый звук и каждый поворот, и каждое движение» актеров. Например, когда театр показывал в Германии спектакль «Ночь на старом рынке», за кулисами появился Зигмунд Фрейд. Он сказал тогда Александре Вениаминовне, что потрясен спектаклем, что ему необходимо пожать руку Грановскому, «потому что это что-то совершенно из ряда вон выходящее». Спектакли Грановского шли в основном на идиш, однако, по словам Грановской, «никогда не нуждались ... в понимании языка. Это настолько было выразительно... зрительно, музыкально и ритмично». Когда открылся занавес после окончания спектакля «Ночь на старом рынке», весь театр встал в полной тишине, и только затем раздались овации. Однако, несмотря на громадный успех театра за границей и на подписание контракта с Америкой на очень выгодных условиях, в 1929 году театр вынудили уехать в СССР. Грановский уехать отказался и единственный

из всех остался за границей. В 1937 году, заразившись при странных обстоятельствах неведомой болезнью, он умер. В России же театр возглавил Михоэлс, который был гениальным актером и, если верить рассказчице, посредственным режиссером.

В этот период Александра Вениаминовна проявилась как талантливый режиссер и преподаватель. Она выпустила четыре спектакля и громадное количество актеров, которые работали по всей стране. В качестве режиссера она явно чувствовала свое превосходство перед Михоэлсом. В 1945 году на Всесоюзной конференции режиссеров, Михоэлс выступил против системы Станиславского, вызвав бурю эмоций. Далее показывали отрывки из спектаклей, и студенты Азарх-Грановской играли на идиш отрывок из пьесы Островского «Гроза» и из пьесы Переца «Что рассказывает луна?». Пока шли пьесы, поставленные по системе Станиславского, публика реагировала равнодушно, но, когда выступили студенты Грановской, зал разразился бурей аплодисментов. После представления Михоэлс догнал Грановскую со словами: «Александра Вениаминовна, ведь у нас такая победа, это же неслыханно прямо», на что та ответила: «У кого это "у нас"? Ваши слова, а мои дела». Вполне феминистский жест - женщина не согласилась поделиться своими достижениями с тем, кому их автоматически приписывали.

Последнее, впрочем, не означает, что Грановская плохо относилась к Михоэлсу. Она постоянно восхищается им как актером и сочувствует как человеку, принявшему мученическую смерть. Существует слух, что на Михоэлса и сопровождавшего его Голубова в Минске наехала машина. Однако, как утверждает Грановская, в том тупике, где это произошло, никакая машина проехать не могла. Когда в Москве открыли гроб с телом актера, «представилась ужасная картина изуродованного лица Михоэлса с выколотыми глазами».

Не менее страшна судьба другого замечательного актера Еврейского театра - Зускина. После гибели Михоэлса у него развилась психическая болезнь. Через некоторое время его положили в психиатрическую лечебницу, где начали лечить сном. Именно в больницу явились люди из НКВД, завернули в одеяло спящего Зускина и бросили в тюремную камеру, где «он очнулся и... дико кричал». После его ареста начались аресты писателей, поэтов, общественных деятелей - представителей Антифашистского комитета. Большинство из них было расстреляно.

Довольно печален был и конец Александры Вениаминовны Азарх-Грановской. В октябре 1980 года ее квартиру ограбили. Прямо у нее на глазах четыре человека сняли со стены четыре ценнейших картины и унесли. Это были три картины Фалька и одна картина учителя Шагала - Пэна. Среди картин был портрет сестры Александры Вениаминовны, Раисы Вениаминовны, жены Фалька. Азарх-Грановская очень тяжело переживала эту утрату, отказывалась принимать пищу и в начале ноября скончалась.

Очень давно, в начале 70-х, один мой знакомый привел меня в дом к удивительной старой женщине. Величественная и аристократичная, она лежала на кушетке (так как у нее не было ноги) и очень живо, с большим юмором рассказывала истории из дореволюционной жизни. Как сейчас помню, на стенах висели полотна Фалька и других знаменитых художников. Когда я стала читать книгу воспоминаний-бесед Азарх-Грановской, я вспомнила тот удивительный визит и мысленно поблагодарила судьбу за то, что она - хотя бы на миг - свела меня с этой замечательной женщиной, воплотившей в себе органический сплав европейской и еврейской культур.

*Диана Биленко. Феномен «второго» пола
Симона де Бовуар. Воспоминания благовоспитанной девицы (М.:
Согласие, 2004), 496 с.*

Наконец-то мы имеем возможность познакомиться с автобиографией Симоны де Бовуар, одной из лидеров французского экзистенциализма, известной как автор книги *Второй пол*, которая оказала огромное влияние на формирование феминистской теории 20 века. Написанные в жанре мемуаров простым и в то же время красочным языком, *Воспоминания благородной девицы* открывают читателю непосредственный опыт становления судьбы незаурядной личности, которая, по выражению самого автора, соединила в себе «женское сердце и мужской ум». Книга представляет собой первую часть трилогии мемуаров, в которой автор вспоминает свои детские и юношеские годы.

Главной особенностью репрезентации женского в книге является то, что, с одной стороны, женский опыт представлен по принципу его отличия от мужского, в терминах «другости» и «инакости», а с другой - конституируется через структуру самодостаточной женской субъективности.

Уже в раннем детстве, как вспоминает Симона де Бовуар, у нее обнаружился независимый и свободолюбивый характер, в котором угадывалась яркая творческая индивидуальность. Первые детские попытки осознания мира формировались, как и у большинства детей, вокруг «неизменных координат и непоколебимых истин», которые формировались взрослыми, из чего маленькая Симона заключила, что они являются обладателями абсолютных истин. В первую очередь это касалось двух главных понятий, на которых строился мир - понятий Добра и Зла. В то же время, благодаря тонкому восприятию жизни Симона рано ощутила противоречия этого мира, который внешне выглядел та-

ким прекрасным и гармоничным. Воспитание в строгих религиозных и патриархатных традициях порождало в Симоне внутренний протест против условностей и формальностей окружающей ее культурно-социальной среды.

Глубокая неудовлетворенность будничной жизнью, по признанию автора, была одной из причин, из-за которой ей нравилось учиться. Если в детские годы родители всячески поощряли школьные успехи их дочери, то с годами необыкновенная тяга к чтению книг и учебе стала вызывать некоторое неодобрение и даже тревогу со стороны родителей, особенно отца. Как и большинство представителей мелкобуржуазной среды начала 20 века, он считал, что главное место женщины - в семье и в светском салоне, где она могла бы блистать не только красотой, но и знанием литературы, умением вести беседу и т.д. Получать же серьезное образование и овладевать профессией для девушки ее круга считалось неприличным и означало «вконец опуститься». Но в Симоне все восставало против того, чтобы быть как все, поэтому свое будущее она связывала прежде всего с творчеством, а не с замужеством и рождением детей.

Уже в юности она пытается разобраться в вопросах, которые позволили бы ей понять собственное предназначение в этом мире, постичь загадку своего присутствия на земле. Симона начинает активно интересоваться философией, которая, как она полагала, обращается непосредственно к самой сути вещей. Как пишет об этом автор, «мне всегда хотелось познать все, философия должна была помочь мне утолить эту жажду, потому что она объясняла реальность в ее совокупности» (с. 204). Она мечтает написать книгу, в которой удалось бы сказать «все», высказать «всю истину до конца».

Осмысление собственной субъективности конституируется у Симоны через то, что позже будет названо в философии экзистенциальным опытом - через взаимоотношения «я» и «других». В детстве - это отношения с родителями и младшей сестрой Пупеттой, многочисленными родственниками, позже - взаимоотношения с подругами (в особенности с ближайшей подругой Зазой), а также отношения с противоположным полом, которые по интенсивности переживаний перекрывают все другие типы отношений. Ее в этот период интересовала больше собственная внутренняя жизнь, чем «отвлеченные политические и социальные вопросы». Стремясь самоутвердиться в мире, Симона сталкивается с такими сложными экзистенциальными проблемами, как проблема одиночества и непонимания между «я» и «другим», проблема взаимоотношения человека и религии, страх перед небытием.

Отказавшись от заурядного существования, чувствуя свою исключительность, Симона мечтает посвятить себя поискам смысла жизни, при этом ничего не принимая как данность, стремясь «бесконечными усилиями воли создавать собственные ценности» (с. 334). Поэтому она рано сталкивается с непониманием окружающих, которые враждебно воспринимали ее непохожесть на других, возникает отчуждение в отношениях с родителями. Не в силах прими-

риться с невозможностью «оторваться от земли», постоянно страдая от усиленного контроля матери, воспитывающей дочь в самых строгих пуританских традициях (не зря она «благовоспитанная девица»), Симона переживает душевный кризис, с которым ей не сразу удаётся справиться. Ее охватывает чувство неуверенности, состояние тоски и одиночества, ощущение тщетности всего сущего. Еще один душевный кризис, вызвавший глубокие душевные потрясения в ранней юности, связан с религиозными чувствами. Подчиняясь требованиям матери, рьяной католички, и заботясь о собственном духовном росте, Симона всячески старалась быть восприимчивой к «проявлениям Божественного». Она много молилась, читала религиозную литературу, регулярно исповедовалась. Но однажды, после мучительных размышлений, Симона пришла к выводу, что за именем Бога скрывается не более чем мираж. Мир, который с точки зрения вечности ничего не значил, для Симоны значил все, потому что именно этот мир она любила, и тогда «совершенно неожиданно свою значимость потерял Бог». Как пишет об этом сама Симона де Бовуар: «...мне было легче вообразить мир вообще без творца, чем творца, соединяющего в себе все противоречия мира» (с. 177). Тем не менее, испытав на себе огромное влияние христианской морали, Симона продолжала пребывать в ее власти вопреки самой себе: очень долго для нее оставались непреложными решения матери, чувство долга, идея заслуги, сексуальные табу.

Особое место в книге занимает проблема взаимоотношения полов. При этом проблема зависимого положения женщин артикулируется Симоной де Бовуар не столько на социально-политическом уровне, сколько на экзистенциальном и психологическом. Еще в детстве Симона заметила, что сколь бы непривлекательными и глупыми не казались ей некоторые из знакомых мальчиков, она знала, что они принадлежат к числу избранных. Подобные парадоксальные ситуации она наблюдала и в жизни взрослых: в церковь в основном ходили женщины, мужчины же (среди них писатели и мыслители) нередко скептически относились к религии. Однако хотя «обладание истиной» было привилегией женщин, «тем не менее, все безоговорочно ставили выше мужчин» (с. 174). Несмотря на то, что Симона де Бовуар первой из философских теоретиков поставила вопрос о зависимом статусе женского в культуре, она никогда не жалела, что родилась женщиной. Она была далека от того, чтобы завидовать мужчинам и видела в них не противников, а товарищей. Как бы это общество, его представления, система воспитания не пыталось убедить эту незаурядную женщину в том, что она принадлежит ко «второму полу», она никогда не воспринимала себя как всего лишь спутницу мужчины.

Именно на этом ощущении собственной женской самодостаточности будет основываться позже ее концепция женской субъективности, положившая начало философскому промысливанию проблемы женской субъективности в культуре.

Елена Чуйкова. Танец жизни Лу Саломе

Лариса Гармаш. Лу Саломе сама о себе в трактовке Ларисы Гармаш (Пермь: издательство «Урал LTD», 2000), 344 с. Серия «Биографические ландшафты»

Книга о Лу Саломе украинской исследовательницы Ларисы Гармаш - первая попытка такого отечественного издания, которое было бы посвящено только ей. До этого имя этой уникальной женщины упоминалось «в связи с...» - судьбой Фридриха Ницше, Зигмундом Фрейдом, темой «любовных треугольников» в психоанализе и т.п. В исследовании Ларисы Гармаш Лу Саломе предстает как самодостаточная женская субъективность, всю жизнь делавшая только одно - «карьеру в невозможном» (с. 97), и фамилии знаменитых мужчин лишь обозначают пункты следования на ее жизненном пути.

С другой стороны, как только берешь в руки эту книгу, сразу возникают вопросы: например, слова «сама о себе» в заголовке наводят на мысль, что это изданная автобиография Лу Саломе, но тогда почему она приводится «в трактовке» автора книги Ларисы Гармаш? Подход в составлении и обработке обширного материала, конечно, можно назвать авторским - метафоры и стихи, образы и архетипы действительно субъективны: на них нанизана жизнь и судьба Лёли Саломе. Похоже, что неоднозначность существования Саломе неизбежно переходит в неопределенность трактовки ее индивидуальности: переход от метафоры к метафоре, от образа к мифологеме увлекают автора. Возможно, такой принцип письма оправдывает обозначенный автором жанр - «литературно-художественное издание»? Очевидно, в рамках этого жанра каждой главе обязательно предпосылается стихотворный эпиграф, а в книге в целом вообще очень много стихов самых разнообразных авторов, в том числе и Лу Саломе. Достаточно много фотографий; одна из них на странице 87 - очень известная: Ницше и Пауль Рэ запряжены в тележку с сидящей в ней и весело помахивающей плёткой Лу. Биографическому исследованию жизни Лу Саломе предпосылается глава «У истоков «магического сестринства», в которой содержится аналитическая попытка определить структуру этой уникальной женской субъективности: «...Лу Саломе, пребывая уже в лоне фрейдизма, противопоставит фрейдовской мифологеме Эдипа свою мифотрактовку Нарцисса: Нарцисс смотрится не в зеркало, сотворенное рукой человека, а в живой источник и, значит, созерцает там не просто себя, а свое дивное единство со всей природой» (с. 17). Именно эта трактовка должна, по мнению автора, объяснить особенности женской нарциссической субъективности Лу, в принципе исключаящей какое-либо влияние (семьи, воспитателей, образования, мужа, религии, социума и т.д.). Ввиду недопустимости влияния («В другой раз отец на совместной молитве внезапно приказал прочитать ей "Отче наш", она же вместо

этого запела народную песенку. Отец удивился, но ничего ей не сказал» (с. 39)) женская субъективность Лу, по мнению автора, «естественна» и не нуждается в дополнительном конструировании (через овладение словом, письмом или даже сексуальностью).

Этой трактовкой можно, пожалуй, исчерпать аналитическое толкование субъективности Лу Саломе и перейти к тому, что она сделала как писательница, психоаналитик и т.д. Мне, как читателю, хотелось бы больше узнать об отношениях Лу с Мартином Бубером, который настоял на необходимости написания ею книги «Эротика», выдержавшей пять переизданий, о чем только упомянуто на с. 10, о специфике отношений Лу и Фрейдов (отца и дочери), поскольку благодаря совместной работе над монографией о детских мазохистских фантазиях Анна Фрейд вошла в Венское психоаналитическое общество, а имя Саломе не значится даже как соавтора; и под фотографией участников Веймарского конгресса в ряду известных психоаналитиков её имени тоже нет. При том, что ею опубликовано 130 научных статей и практика в качестве психоаналитика тоже была обширной. Однако в главе «Нарциссы по средам» автор сконцентрирована только вокруг того, что Фрейд любил общаться с Лу и дарил ей нарциссы. В итоге получается, что всё пространство книги занимает не Лу «сама о себе», а ее авторская мифопоэтическая трактовка, а также определения, данные ей знаменитыми мужчинами (с. 272-276) - и ни одной женщиной (кроме автора). В конце хочется отметить, что издание книги великолепно: качественное, с фотоиллюстрациями, подборкой комментариев, отрывков из книг Лу Саломе «Моя жизнь» и «Фридрих Ницше в зеркале его творчества» (в переводе Ларисы Гармаш).

Наталья Загурская. Путина триллера

Трегубова Е. Байки кремлевского диггера (М.: Ad Marginem, 2003).

Трегубова Е. Прощание кремлевского диггера (М.: Ad Marginem, 2004).

В полном соответствии с траекторией движения маятника интересы издательства Ad Marginem постепенно переместились от изменивших облик отечественной мысли интеллектуальных изданий широкого спектра до шизоанальных сорокинских романов и т.п. Крайней точкой стала *Супервубинда* Альдо Нове, после выхода которой маятник и начал менять направление движения. В самом деле, чем ещё можно поразить русскоязычного читателя, после того,

как он прочёл исповедь подростка, который «урыл своих предков за то, что они пенились этим долбаным бадусаном *Pure & Vegetal*», который увлажняет кожу, а кроме того, продаётся в ближайшем супермаркете по цене двух упаковок за три, потому что хотел пользоваться шампунем *Vidal*, в рекламе которого скачет лошадь: «Та лошадь была Свободой. Я хотел, чтобы все были свободны. Я хотел, чтобы все покупали *Vidal*»¹. После столкновения с такой машиной желания, которая целиком и полностью управляется микрофизикой власти, стало очевидно, что пусть уж лучше власть снова станет видимой. Ну и что с того, что публичные казни и телесные наказания нелегитимны в странах, претендующих на статус цивилизованных. Можно, скажем, взрывное устройство неугодной журналистке, лирической героине Е. Трегубо вой под дверь подбросить. Потом это по тиви покажут - такая вот расправа с паноптикумом в одном флаконе. И никто на себя ответственности не берёт, а происходит всё будто бы само по себе, в общем, опять же, три по цене двух. А издавать в этих условиях можно только правильное творчество М. Хайдеггера и К. Ясперса (именно их переписку лирическая героиня Е. Трегубо вой читает на досуге), А. Проханова и Э. Лимонова. Последний, кстати говоря, гораздо раньше срубил так называемую правую фишку и отхватил львиную долю связанного с ней символического капитала. Опять же, такой капитал не статьями, повестями и романами, а в процессе собственной жизни и деятельности накапливается.

Популярную нишу в этом спектре занимает и Е. Трегубова. Серия, в которой издали две её книги, как, впрочем, и тюремные дневники Э. Лимонова - и это выглядит нелепо и даже жутко - лукаво названа Трэш-коллекция. Ну кто, кто, скажите на милость, станет коллекционировать трэш? Трэш-литературу обычно проглатывают в транспорте или на сон грядущий и отдают в хорошие руки, а то и просто отправляют в контейнер с мусором. Настоящее, жизненное искусство не должно быть вечным, иначе, чего доброго, в музей попадёт или в библиотеку. Коллекционируют же трэш лица с психическими отклонениями, художники-концептуалисты и прочие перверты; впрочем, эти социальные группы во многом охватывают один и тот же круг персонажей. В этот круг входит и сам издатель, увиденный глазами Е. Трегубовой. Ведь он втягивает «стрекозу из *jet-se t'a*», автора романа, в котором «от каждой строчки воняет дорогими духами», в «тяжкий сюр» подростковых споров о смысле жизни в «хиппанско-большевистском подполье» полуподвального помещения издательского офиса (*ПКД*, с. 125-131), а потом оказывается вне зоны действия сотовой связи и тиви, что для Е. Трегубовой равнозначно нирване (*БКД*, с. 43, 130).

Но таким шизоидам, а всякий леворадикал, вестимо, шизоид, по крайней мере, хоть мутанты везде не мерещатся - хоть инопланетные, хоть кремлевские. Лирическая же героиня Е. Трегубовой личность иного склада, она смело внедрилась в высшие эшелоны журналистского кремлёвского пула, чтобы иметь возможность освещать деятельность первого лица государства. И не просто

освещать, а что есть сил «мочить» их. А потому оценка первого лица зависит не от того, хорошо или плохо исполняет оно свои обязанности, а от того, насколько плотно закрывает глаза при виде вынесенного из избы сора. В принципе, такую наглуемую гостью после первого же посещения должны на порог не пускать. Но пускают, потому как гостя в олигархической газете трудится. И олигарх этот пока ещё в лондонском тумане не растворился, а как растворится, так и появится у Е. Трегубовой время начать обо всём увиденном уже не статьи, а книги писать. Кроме того, и дом-то, в смысле Кремль, не частный, а общегосударственный. Ну так и в более демократичные дома не всех подряд пускают. К тому же, нужно уважать труд имиджмейкера, а то даже такая находка как полёт на истребителе не спасёт имиджа человека, который позволяет прямо над собой глумиться.

Правда, лирическая героиня не устаёт напоминать, что олигарха почти никогда в глаза не видела, а, наоборот, и над ним глумилась. Ну, ему-то что, его постамент не умелыми руками имиджмейкеров по песчинке складывался, олигарх удобно расположился на крупных слитках нефти. Ему, наоборот, маскироваться нужно, чтоб чего не подумали лишнего. Можно и вообще приплатить, чтоб на публике поглумились. Хвалить себя он и сам умеет, один манифест российского либерализма на полторы полосы и обложку чего стоит, учитывая, что в качестве отца российского либерализма там представлен, угадали, сам олигарх². А нужно ему жареного, да побольше, не новостей, так печенья. Ничего, если и новости, и печенье пережарено - дорог не подарок, дорого внимание. Да-да, побывала-таки лирическая героиня Е. Трегубовой у олигарха на именинах. Вот и верь ей после этого - он меня не помнит, не узнаёт... И кто это, интересно, незнакомых людей на именины приглашает? А если и найдётся такой чудак, то вряд ли получит в подарок собственноручно приготовленное, хотя и подгоревшее, печенье (*ПКД*, с. 184-187).

А теперь, внимание, самое интересное. Несмотря на всё сказанное, лирическая героиня вырисовывается в правом нижнем углу полотна. Несмотря на дружбу с матерыми диссидентами не к демократии она вовсе стремится, а тоскует по доброму сказочному царю-батюшке, добром Дедушке Морозе с красным носом, песнями и плясками, ложками и матрёшками. Но даже новогодние праздники когда-то заканчиваются, а старый и добрый, потому что уходящий, год передаёт свои полномочия молодому, энергичному и, значит, агрессивному году. Таков круговорот природы и власти. Нравится - гуляй в любую погоду, не нравится - не выходи из дому и включай обогреватель зимой и кондиционер летом. В смысле, закон при деспотии и цензуру при демократии в отдельно взятом сознании. Но кому какое дело до погоды, если душа хочет праздника? Причём, по возможности, ежедневного. И чтоб Москва не Москва, а столичный град Китеж, мечта постмодерн-фундаменталиста, где можно одновременно играть роли паркетной дамы, шутихи и девицы на выданье, ну и,

конечно, диггерши, потому что ни одна из ролей по отдельности достаточно не впечатляет. Чтобы правил градом Дедушка Мороз, а наследный принц на чёрном авто не только владенья объезжал, но и почаще свиданья назначал, на балы приглашал. И чтоб жизнь кругом бурлила - сплетни, интриги - красота!

Вот только Дедушка на покой удалился, принц же вовсе не мастер балы давать - принц он не светский, он в разведке служил. Какие уж тут балы, если в его присутствии каблуки ломаются. Нечего перед настоящим самураем фаллическую женщину разыгрывать, чтобы ему понравиться вообще босиком ходить нужно, он ведь не случайно именно в японском ресторане, где принято обувь снимать, обедает. Это только другому дедушке, маргиналу Ч. Буковски, для того, чтобы чувствовать себя счастливым достаточно пива и всё равно какой, но непременно в туфлях на каблуках женщины рядом. Чтоб поддержала, если пива не достаточно, а слишком много окажется. Спортсмен же об отдыхе мечтает, а не об интервью под видом свиданья. И чтоб по тиви этот интимный эпизод не показывали. Как будто Л. Парфюмову в его *Надысь в будущее* больше показывать нечего. Потому и каблук дважды сломался - перед обедом (*БКД*, с. 160), и перед съемкой (*ПКД*, с. 113).

Так что стратегия героини может быть обозначена не столько как правый протест, сколько как инфантильное кокетство - противоядие против укуса кремлевского мутанта. Потому-то здесь и называется лирической, говоря словами издателя И. Захарова, героиня документальных произведений. А если присмотреться получше, то можно даже сказать и по-другому - героиня сентиментальная. Действительно, только сентиментальная героиня может так убиваться о несбывшейся любви барина. Ведь папа так надеялся, так надеялся на скорый союз дочери с фаворитом (*БКД*, с. 148-151). Но у дочери голова кружилась не от любви, а на почве отказа от наркотических средств власти. Ясно, что в таком состоянии любой прохожий мутантом покажется, не то что политик. Ну и притворство постоянное, конечно, параноидальность усугубляет. Если бы Е. Трегубова читала не только эстетски-интеллектуальную, но и актуальную продукцию родного издательства, она бы, наверное, никогда бы не изобрела формулировки «кремлевская шизофрения» (*БКД*, с. 318-370). А так для неё любая психическая нестабильность может быть маркирована ярлыком «шизофрения», даже не в какой-то мере смягчённым «шизоидно сть». На самом же деле, как выяснилось, обстановка сложилась вполне параноидальная.

И взрыв, как ни крути, был вполне реальным, хотя Е. Трегубова «самой правдоподобной версией назвала версию о том, что взрыв мог устроить психически неуравновешенный поклонник действующего президента России»³. Так что кто здесь прав, кто виноват, разобрать сложно. Только, хоть и убеждает сентиментальная героиня Е. Трегубовой нас во второй книге, что не был этот взрыв пиаром, всё равно слабо верится, потому как первая книга, несмотря на массу препятствий, всё-таки была издана, поступила в продажу и продана

солидным тиражом. Историю своей работы в кремлевском пуле она уже издала, после этого к главному ньюсмейкеру страны доступа не имела, а значит, бояться ему больше нечего. Карательные меры в данном случае возможны разве что для устрашения других охотников пооткровенничать.

Отечественный читатель легко может сконструировать версию событий и поинтереснее. Особенно после того, как узнаёт, что политика России в отношении с Украиной определяется отношением В. Путина к Ю. Тимошенко: «То, что он ощутил при соприкосновении с Юлией Тимошенко, нельзя воспроизвести никакими ультрасовременными технологиями, даже политическими. И если бы полковник Путин знал слово „любовь“, он сразу бы сообразил: это - оно самое. Любовь»⁴. Притом любовь безответная, ведь Ю. Тимошенко даже тюрьма не сломала. Потому-то В. Путин и на третий срок баллотироваться будет, ведь иначе шансов совсем не останется. Разве что можно ещё взрывы попробовать. Да, таких ухажёров лучше за нос не водить..

Но один вопрос всё же никак не удаётся прояснить. И даже версий никаких в голову не приходит. С чего бы это девушка, которая так искренне обеспокоена судьбой своей Родины, в журналистику подалась. Стала бы, скажем, учительницей, или, лучше, медсестрой, тем более внешность ведь позволяет. Или, снова же, на кондитера выучилась бы, печенье пекла, какой-никакой опыт уже имеется. Или, в крайнем случае, серьёзное что-нибудь написала, раз так уж любит Достоевского с Хайдеггером. Всё больше пользы для Родины, чем с кавалером по японским ресторанам ходить. Правда, тогда на бадусаны может не хватить. Ни на *Pure & Vegetal*, ни на *Vidal*. А также на сливовый джем без сахара *St. Dalfour* на виноградном соке и на обезжиренный творожок *Danone* (БКД, с. 337). Не говоря уже о больших количествах свежавыжатого апельсинового сока. Да и толку в них в новой жизни никакого не будет, в отличие от сосисок из рациона представителей кремлёвской администрации или народного «стакана водки с селёдкой» (ПКД, с. 127). Мир ведь, как не обидно, всё же не из йогурта состоит, как герои Альдо Нове и Е. Трегубовой считают.

Но теперь ей всё это не угрожает, одна «безжалостная попытка апельсиновым соком», которую устроили ей многочисленные интервьюеры чего стоит (ПКД, с. 162). Да и публикация БКД на китайском языке, вслед за *Господином Гексогеном* А. Проханова, который был признан в Китае лучшим зарубежным романом года, как сообщает официальный (но не тот, на который издательство себя пиарит под видом борьбы с авторскими правами) сайт *AdMarginem*, не за горами⁵. Хорошая страна Китай, там ненавистные Е. Трегубовой антиглобалисты на улицах не гадят (БКД, с. 47-48), так что она, наверное, с радостью примет приглашение совершить туда промо-тур.

Альдо Нове *Суперубинда* (М.: *Ad Marginem*, 2001), с. 15.

- ² Березовский Б. «Манифест российского либерализма», *Независимая газета*, №72, 2002, с. 1, 10-11.
- ³ В «Прощании кремлевского диггера» Елена Трегубова отвечает на все вопросы, URL: <news.acsoona.ru>.
- ⁴ Белковский С. Любовь Владимира Путина, URL: <proua.com/analytic/2004/11/27/153553.html>.
- ⁵ *Ad Marginem* в Поднебесной, URL: <www.ad-marginem.ru>.

Дмитрий Коновалов. Постсоциалистическая маскулинность: постановка проблемы

Men in the Global World Integrating Post-Socialist Perspectives, Irina Novikova and Dimitar Kambourov, eds. (Aleksanteri-instituutti/Kikimora Publications, 2003), 166 p.

В качестве введения в проблемы постсоциалистических мужчин, попытаемся определить, что такое исследования маскулинности и в чем заключается их постсоциалистическая специфика. Как утверждает Майкл Киммель, в каждом обществе существуют различные типы маскулинности и некоторые из них больше ценятся, чем другие. В любом случае, маскулинности конструируются в отношении к фемининностям и включают в себя все способы артикулирования идентичностей, институализации гендерных порядков и динамику отношений власти между различными группами. Иными словами, иерархии маскулинности выражают власть мужчин над женщинами (мужское доминирование) и власть одних мужчин над другими (в отношении расы, сексуальности, этничности, возраста и физической силы)» (Киммель, 21). Еще один из авторов сборника Джефф Херн, объясняет, что маскулинность невозможно исследовать, используя гендерно-нейтральные категории, как, например, политические акторы. Необходимы феминистские теории и концепты: патриархат, братство, правление старших мужчин, сексизм, гендерная иерархия, гендерная система, гендерный порядок, гендерный контракт, маскулинности, мужские практики (Херн, 51).

Постсоциалистическая специфика исследования маскулинности прибавляет к этому списку современные проблемы конструирования идентичности как в национальном, так и в межнациональном контексте. Процесс движения к «объединенной» Европе проходит под геополитическим углом «Восток-Запад» и осуществляется в терминах возвращения к цивилизованным условиям жизни. Риторика «культурной» и «цивилизованной» нормализации имплицитно является риторикой различия между европейскими/нормальными «выздоровевшими» нациями и их «Другими» (Бауман, 90). Успешной моделью «цивилизованной» маскулинности выступает глобалистская модель бизнес-маскулинности, которая в свою очередь является конструктором неолиберальных концепций процветания. В то же время интегрируемые постсоциалистические сообщества экономически не способны адаптировать успешные модели маскулинности неолиберальной теории и тем самым преодолеть постсоциалистическую «Друговость». В результате, локальная бизнес-маскулинность приобретает криминальные или полукриминальные черты. Социальным фоном здесь выступает кризис постсоциалистической маскулинности, который выражается в неспособности мужчин реализовать себя в качестве добытчиков и кормильцев. Одновременно проходит процесс псевдореставрации традиционной национальной модели маскулинности, который в определенной степени компенсирует неспособность мужчин отвечать новым требованиям. Характерные черты - виктимизация и инфантилизация постсоциалистической маскулинности, которые означают активизацию мужского насилия - как по отношению к другим, так и по отношению к себе.

Обозначенные проблемы подчеркивают необходимость критического анализа постсоциалистических маскулинностей, апелляции к локальным примерам и рассмотрения их в глобальном контексте. Представленные в сборнике статьи включают в себя самые разные методологические и аналитические подходы деконструкции и демифологизации универсализированных маскулинных дискурсов, что является ключом к решению социальных/маскулинных проблем и пониманию маскулинности в целом.

Майкл Киммель рассматривает гендер как основной механизм национального сопротивления практикам глобализации. Определяя эрозию публичного и домашнего патриархата, практики глобализации разрушают маскулинную идентичность американских «свободных» фермеров и «небольших» предпринимателей. В результате эти группы являются основным ресурсом пополнения сообществ правых радикалов и организаций по типу Ку-клус-клана. Стратегиями сопротивления выступают попытки реставрации домашнего патриархата (домашнее насилие) и культивирование образа «настоящего мужчины», который должен бороться за свои «извечные» права. Члены подобных объединений уверены в том, что когда-то они обладали властью - исторически обус-

ловленной, определяемой религиозной верой, биологическим предназначением и моральной легитимностью, а теперь этой власти у них нет, поскольку её украли федеральное правительство, контролируемое и насыщенное легионами новых меньшинств, которые получили свободу, женщинами и иммигрантами и каждый из них служит всемогущим евреям, контролирующим интернациональную экономическую и политическую жизнь (Киммель, 26).

Интересно отметить, что создание «Других», в данном контексте феминисток, мигрантов и евреев, одновременно включает в себя две противоположности: «другие» гипермаскулинны и в то же время недостаточно маскулинны (Киммель, 28). Например, феминизм - это продукт государственной политики направленной на то, чтобы мужчины стали женщинами, а женщины - мужчинами. В этом смысле последовательницы феминизма более мужественны, чем сами мужчины. Мигранты, особенно черные мигранты, позиционируются как слабые, тупые и ленивые и в то же время как воплощения «животной» сексуальности, которую они не могут контролировать и поэтому постоянно стремятся изнасиловать белую женщину. Образ еврея - это одновременно образ жестокого хищника и хилого, «больного и заразного» гомосексуалиста. Место мускулов у евреев занимает гипертрофированный мозг, который и позволяет им быть кандидатами на мировое господство. Ведь другого выхода у них нет. Не являясь настоящими мужчинами - сильными, мощными, крепкими, работающими фермерами и рабочими - евреи стремятся превратить белых мужчин в женщин, а белых женщин - в мужчин (Киммель, 30). Способом избежать «еврейско-феминистско-черной» угрозы является народное ополчение, которое способно воссоздать мужское братство, то есть возможность снова стать мужчиной - хозяином дома, главой семьи и жить за счет своего труда.

Альтернативой радикально традиционному гендерному сопротивлению выступают объединения мужчин, стремящихся к «разминированию» публичного и домашнего патриархата. Это NOMAS (Национальная Организация Мужчин против Сексизма, самая большая организация профеминистских мужчин), IASOM (интернациональная ассоциация мужских исследований), Сообщество Европейских Профеминистских Мужчин и многие другие центры, союзы добровольцев и т.д. В рамках деятельности организаций проводятся конференции и воркшопы, направленные на изучение связей между расизмом, сексизмом и гомофобией в процессах конструирования маскулинности. Основными проблемами выступают проблемы социализации (семья, образование, религия), здоровья, насилия. Как пишет Майкл Киммель, чтобы понизить уровень домашнего насилия и уровень конфронтации во имя таких мифов, как нация, люди, религия или племя, мы должны контролировать разделение символических и конструктивных сфер. И женское вовлечение в публичную сферу настолько же важно, как вовлечение мужчин в частную.

Статья **Джеффа Херна** апеллирует к проблеме мужчин и власти. Можем ли мы говорить о мужчинах, не говоря при этом о власти, и наоборот, можно ли рассуждать о власти, не рассуждая при этом о мужчинах?

Рассматривая эту проблему, Джефф Херн обращается к пространствам мужского мейнстрима: формальным и неформальным маскулинным иерархиям, разделению труда и конструированию сексуальности. Автор подчеркивает, что институты мужского мейнстрима производят понятие мужской власти как само собой разумеющееся. Это же относится и к легитимности различных испытаний и тестов, каждый из которых направлен на «классовую» унификацию мужчин и их интересов, которые отличаются от интересов женщин и ненастоящих мужчин (гомосексуалов, слабых, больных, старых и т.д.). Пространства мужской власти включают в себя пространства: 1) семьи, отцовства и воспитания; 2) сексуальности; 3) насилия и 4) работы (Херн, 55). В каждом случае определяющими характеристиками мужественности выступают категории силы, агрессии, нечувствительности и презрение к страданию и боли как своей, так и чужой. Насилие является одним из основных способов продемонстрировать свою мужественность и является социально воспроизводимым атрибутом маскулинности (армия, работа, спорт и т.д.).

Ирина Новикова и Кейт Прингл проводят обзор изменений мужчин и мужских практик в Европе с феминистской и постфеминистской точек зрения. Центральным конструктом в процессах трансформации маскулинностей выступает идея новой Европы, воплощенная в проекте Европейского Союза. Авторы исследуют специфику появления нового расизма, обращаясь к дискурсам, определяющим что/кто/где является «Европейским» и кто/что/где является «другим» и кто «больше Европеец» (Новикова, Прингл, 77). По их мнению, эти вопросы включают в себя иерархии истинной/неистинной или чистой/нечистой европейской маскулинности. При этом идеология европейской маскулинности включает в себя два полюса: неолиберальная концепция развития и соответствующая ей модель бизнес-маскулинности и опыт национального возрождения, то есть реставрация модели традиционной семьи, которая в свою очередь является одним из центральных символов «освобождения» и «очищения» от социалистического прошлого.

В результате взаимодействия этих полюсов создаются предпосылки для появления и легитимации феномена «мужских демократий», то есть воссоздания патриархата на основе социалистических, патерналистских моделей эксплуатации женской репродуктивности, на фоне вытеснения из их пространства активного гражданства (Новикова, Прингл, 87).

Урсула Мюллер анализирует проблему насилия в контексте объединения Восточной и Западной Германии в 1990-х гг. В современных немецких медиа проблема мужского насилия не является проблемой и, более того, само насилие не является насилием. Мужчины позиционируются как жертвы нервных

срывов и провокаций. Иными словами, мужское насилие - это социально ожидаемое и социально оправдываемое мужское поведение. Основной причиной создавшегося положения выступает женская эмансипация, которая лишила мужчин рабочих мест и вместе с ними уверенности в себе. Еще женская эмансипация - это основа грядущей феминистской гегемонии, которая предполагает тупик культуры и мысли. С этой угрозой необходимо сражаться и как на любой войне все средства будут хороши.

Одной из основных причин мужского насилия выступает страх того, что женщины могут оказаться не хуже, но и лучше мужчин не только дома, но и на работе. Автор приводит пример популярного мифа о невидимой, но очень могущественной мужской поддержке успешных женских политических или бизнес карьер. Тем самым сохраняется видимость мужского контроля над женщинами и вера в то, что женщины менее социально значимы, чем мужчины. Идеология материнства также выступает дискурсом терпимости мужского насилия. Фигура отца - символ нормальной семьи и обязательное условие воспитания детей.

Светлана Слапсак исследует трансформации мужских икон в массовой культуре на Балканах. Мужские иконы - это сложный семиотический конструкт, гендерная модель, «переведенная» на язык массовой культуры и, наконец, культурный продукт адаптации к новым условиям (Слапсак, 125). Исследуя маскулинных героев в советских балканских фильмах, автор выделяет три главных типажа: учитель, юноша-идеалист и командир с железной волей. Объединяющей характеристикой всех трех типов героев является их девственность, обусловленная дискурсом борьбы за высшие идеалы. Как показано далее, вариации этих образов продолжают оставаться наиболее тиражированными в балканских масс-медиа.

Обращаясь к студенческим восстаниям 1968 года, автор обращает внимание на идеологический запрос «новых» революционных героев. Но, несмотря на изменение внешних атрибутов революционеров, теперь по образу и подобию Че Гевары, гендерный контракт остается неизменным. Это мужчина, способный пожертвовать своими интересами (включая сюда и сексуальные интересы) во имя высшей цели, например, мировое равенство, мир во всем мире и т.д.

Димитар Камбуров в своем исследовании обращается к специфике постколониальной трансформации мужчин из стран Восточной Европы по западным стандартам. В частности, он озвучивает провокационный вопрос: что значит быть мужчиной, если жить в регионе, к которому Запад относится как к «женщине»?

Проблема конструирования маскулинности Балканских мужчин определяется тем, что изобретатели проекта *Центральная Европа 1980* не смогли найти в нем место для Балканских мужчин (Камбуров, 141). В результате балканские мужчины являются собственными «внутренними» Другими, то есть

Западом Востока и Востоком Запада. Иными словами, происходит эффект двойного исключения, который определяется метафорами «отсталости» и «промежуточности», каждая из которых включает в себя свои типы негативности (Камбуров, 144).

Димитар Камбуров определяет маскулинность балканских мужчин как «брутальную», «черную» и «криминальную». Экономический «разрыв» балканских мужчин с образами «успешной/западной» маскулинности обуславливает массовую полукриминальную адаптацию к условиям модерности. В своей практической реализации модель бизнес-маскулинности предполагает нарушение закона, а финансовый успех, как конечное, наивысшее требование модерности, выступает оправданием криминальности (Камбуров, 153).

Рассматривая эту проблему, автор обращается к проблеме функционализации «гендерной гибридности». Балканская маскулинность пытается приобрести современный современный статус при помощи рефункционализации внутренних травм. Но если европейцы функционализируют «фемининные стратегии», балканские мужчины находят убежище в постоянном функционализировании своей нехватки, до-модерных травм, то есть грубости и «брутальности».

Социологическое исследование **Ивы Смидовой** называется «Что некоторые мужчины в Чехии думают о том, что значит быть мужчиной?». Категориями исследования выступают институты настоящей мужественности, в которых мужчины определяют себя, противопоставляя женщинам и «ненастоящим» мужчинам: пабы и выпивка, военная служба, карьера, спорт, женщины, «рождение сына» (часть выражения «настоящий мужчина должен построить дом, вырастить сына и посадить дерево»). Главный парадокс, к которому приходит исследователь, заключается в том, что мужчины не способны выйти за рамки своей нормативной роли отца и добытчика и не видят возможным самостоятельное создание альтернативной модели маскулинной идентичности.

София Касимова представляет подробное исследование трансформации гендерных порядков в досоветском, советском и постсоветском Таджикистане.

В основе феодальной системы патриархата лежит неограниченная власть главы дома, канонизированная Кораном. Женщины - это низшие существа, обязанные подчиняться отцу и мужу. Долг мужчины заключался в обеспечении своей семьи и в контроле над нравственностью своих домочадцев. Советская власть принесла внешне очень существенные изменения в гендерную систему таджиков, например, вовлечение женщин в публичное пространство рынка труда. Но, как замечает София Казимова, эта власть также была патриархатной и в результате таджикские женщины оказались в ловушке между двумя патриархатными системами - старой феодальной и новой советской (Казимова, 179). Несмотря на эмансипацию, таджикским мужчинам удалось удержать свою позицию главы семьи, что предполагало полигамию, выкуп невест, легитимность

насилия против женщин в семье, препятствия к получению образования. Неизменным же оставался основополагающий принцип власти отца, которая приравнивалась к закону. Следует заметить, что сохранившийся традиционный образ «настоящего мужчины» не позволял ему иметь работающую жену. «Работающая жена» - понижение социального статуса и сомнение в его способности быть мужчиной, то есть нарушение единственной нормы маскулинности - роли добытчика и главы семьи (Казимова, 181). В этом смысле, советская и феодальная системы патриархата взаимодействовали друг с другом в рамках «двойного подчинения». Как гражданин обязан подчиняться государству, так и женщина обязана подчиняться мужчине. Сосуществование двух, зачастую противоречивых, систем привело к появлению так называемой «двойной гендерной морали» (Казимова, 180).

После распада СССР таджикские мужчины оказались не в состоянии содержать свои, многодетные семьи. На рынке появились не только вдовы, но и замужние женщины, занятые «челночным» промыслом, зачастую единственным источником существования. Появление «женщины-кормилицы» вызвало глубокий психологический шок, как у мужчин, так и у женщин, вызванный чувством вины за нарушение нормативных рамок гендерных порядков. Современные процессы в таджикском обществе описываются автором как попытки репатриархизации. Раздаются призывы узаконить полигамию и контроль над незамужними девушками. При этом многие девушки продолжают быть лишенными возможности самореализации помимо традиционных ролей матери и жены (Казимова, 186). По мнению автора, это еще одно подтверждение болезненности и длительности процесса реконцептуализации моделей маскулинности и фемининности.

Исследование **Элизабет Олекси, Джоанна Казик** представляет собой анализ медиа-репрезентаций маскулинности и практик маскулинности в газетах. В статье показаны перспективы компаративистского исследования маскулинной идентичности на примере Эстонии, Финляндии, Германии, Ирландии, Италии, Латвии, Норвегии, Польши и Великобритании. Категориями анализа выступают: отношение мужчин к дому и работе, социальное исключение, мужское насилие и мужское здоровье. Одним из результатов анализа является парадоксальный вывод о «немоте» мужчин в масс-медиа. Мужчины и мужские практики воспринимаются как само собой разумеющееся и не предполагающее никакой проблемы. Подобная гендерная нейтрализация обуславливает невозможность диалога как такового и, соответственно, невозможность освобождения от гегемонных маскулинных паттернов (с. 198).

Элизабет Пицукане исследует символическое конструирование маскулинных образов политиков. После распада СССР в Латвии, как и в других постсоветских странах, наибольшей популярностью стал пользоваться образ самобытного сына нации, который исповедует высокие моральные принципы и, в

буквальном смысле, строит нацию своими руками. К 2002 году этот образ был в значительной степени потеснен образом бизнесмена-профессионала, физически сильного мужчины в деловом костюме и галстучке, ответственного и устремленного. Ключевые слова здесь - ответственность и служение народу, которое приравнивается к религиозному служению. Образ партии и политического объединения предполагает ассоциативную связь с образом спортивной команды: дух соревнования, тренировки, дисциплина, здоровье и гетерогенная нормативность.

Маскулинность выступает основным инструментом создания «Других», которые опять же либо слишком маскулинные, либо недостаточно маскулинные. В Латвии образы «Других» создаются на пересечении гендера и расы. Противники вступления в ЕС борются против расового смешения с гиперсексуальными черными мужчинами, которые выступают «олицетворением» ЕС и несут угрозу белым и чистым латвийским девушкам. В процессе создания образов с «недостаточной маскулинностью» используются обвинения в педофилии и гомосексуализме. Все вместе, угроза расового исчезновения и «неправильная сексуальность», создает фон для морального, ответственного, рационального, стабильного, гетеросексуального мужчины, настоящих мускулов и костяка нации, который способен принять ответственность за будущее нации.

Любопытно заметить, что символы пространства семьи практически не используются для строительства маскулинного образа политика, за исключением риторики отцовской ответственности за детей, за стабильность семьи, то есть нации. В остальном эта ниша принадлежит женщинам-политикам, для которых ассоциации с детьми и семьей определяют «естественное» пространство власти женщин».

Магдалена Фрес использует теорию дисплея Гофмана и психоанализ Лакана для исследования конструирования маскулинной идентичности героя в романе Энтони Либера «Мадам» - молодого человека, влюбленного в свою преподавательницу французского языка. В статье рассматриваются проблемы любви и желания, подавление желаний тела и власть «Слова». Автор выделяет тот факт, что в романе часто описывается тело Мадам, но там нет ни одного прямого описания тела героя. Весь процесс завоевания любви Мадам, создание маскулинной идентичности героя реализуется посредством власти Слова (герой соблазняет Мадам своими эссе). Его «делание маскулинности» определяется разрешением Эдипова комплекса, самой важной чертой которого является появление третьего пространства, в котором герой способен достичь своей маскулинной власти и дистанцировать себя от реального столкновения с телом Мадам. Его сексуальное тело не «пробуждается» к существованию и существует в своем «отсутствии» (Фрес, 230). Иными словами, тело может существовать, только если принадлежит животным и . . . женщинам (Фрес,

227). В то же время, герой лишает Мадам власти/авторства языка, превращая её в объект этой власти.

Статья **Димитры Ласпия** посвящена исследованию гегемонии и гегемонной маскулинности в греческом мужском танце «зейбекико». Танец Зайбеко - это танец «отверженных». Танцор борется со своей судьбой, не протестуя против жестокости жизни, но при этом, не взывая к сопротивлению и не требуя какой-либо помощи. Иными словами, мужество танцующего - это мужество продемонстрировать свою слабость и уязвимость. В этом смысле, автор обращается к личностному перформансу маскулинности на примере танца Зайбеко и определяет новые перспективы исследования гегемонной маскулинности.

Итак, как можно убедиться на примере представленных научных подходов и методов анализа, категория маскулинности выступает механизмом конструирования социальной иерархии, и сама выступает символическим капиталом в процессе конструирования национальных и транснациональных сообществ. Исследование маскулинности включает в себя анализ механизмов конструирования идентичностей, дихотомии мужского/женского и взаимодействия категорий сексуальности, расы, класса, нации и т.д. При этом как объект исследования маскулинность не является конечной точкой анализа - это скорее категория исследования власти во всех её проявлениях. Ведь, как пишет Джефф Херн, меняются сами отношения доминирования мужчин над женщинами и мужчин над другими мужчинами, но как доминантная социальная категория власть мужчин остается неизменной.

Елена Горюшко: Grace Galliano. Gender: Crossing Boundaries (Belmont CA: Thomson Wadsworth, 2003), 418 p.

Рецензируемая книга американского психолога Грейс Гальяно посвящена одной из труднейших и интереснейших тем - изучению психологии гендера в кросс-культурной перспективе. Книга, на мой взгляд, интересна тем, что является не просто монографией, а интерактивным учебником, реализующим так называемый «направленный на студента подход» в образовании¹, ориентированный прежде всего на то, что читатель этой книги вступит с её автором в активный диалог.

Кроме того, книга представляет собой одну из немногих удачных попыток совмещения как теоретических подходов к анализу категории «гендер», так и практического преломления «жизненных» гендерных проблем - отчасти и через личностный авторский опыт, что очень ценно как для преподавания, так и для преподавателя любой гендерной дисциплины...

Основной целью её написания, по словам автора, стало создание захватывающего текста, провоцирующего на раздумье и критическое осмысление гендерных проблем в обществе в век глобализации, когда гендерные отношения явно выходят за рамки одной страны и становятся всечеловеческими проблемами. Гендер в глобальном обществе в эпоху глобальных культурных перемен - вот лейтмотив, послуживший созданию этого учебника.

Сама автор в предисловии очень четко оговаривает принципы, которыми она руководствовалась при написании текста:

- во-первых, психология гендера - это постоянно развивающаяся область знания и понимания;
- во-вторых, изучение гендера предусматривает создание междисциплинарной парадигмы, т.к. любое частнонаучное знание может быть пропущено как сквозь внутрисубъектные рамки анализа, так и сквозь межпредметные. Г. Гальяно полагает, что гендер, будучи внутрисубъективным, межличностным, социальным и культурным феноменом, под разным углом зрения может рассматриваться и антропологами, и психологами, и социологами, и философами - любой гуманитарной отраслью знания, в чьи предметные рамки входит анализ общества и общественных отношений;
- в-третьих, гендерные роли и отношения не являются застывшими и статичными, а постоянно изменяются и эволюционируют;
- в-четвертых, гендер - это процесс, который захватывает весь жизненный цикл: от рождения и до смерти эта категория определенным образом влияет на непосредственный жизненный опыт и выбор, который мы осуществляем в этой жизни. Поэтому Г. Гальяно полагает, что преподавание гендерных дисциплин обязательно должно учитывать и возрастной фактор, чтобы достовернее показать изменчивость и динамику гендерных отношений на протяжении жизни;
- в-пятых, привнесение в контекст обучения примеров из своего непосредственного жизненного опыта, по мысли американской ученой, только облегчает понимание целого ряда гендерных проблем.

В результате уже в предисловии к книге Грейс Гальяно утверждает, что ваши студенты - это самые лучшие ваши преподаватели. Апробировав текст этого учебника непосредственно в студенческой аудитории, его автор получила бесценную информацию о том, *что* интересно студентам и *что* их может

продвинуть вперед в понимании такого сложного явления, как гендер. И эту обратную связь с обучаемой аудиторией автор постаралась воплотить в последней редакции рукописи (предисловие, с. 1-2).

На мой взгляд, крайне интересным и полезным в методологическом плане является композиционное строение этого учебника и особенно внедрение элементов интерактивного подхода, которые постоянно «позволяют держать» обратную связь со студентами, погружая их в непосредственную гендерную реальность.

Так, каждая глава начинается с провоцирующей на размышления цитаты, цель которой - вызвать дискуссию или же начальное обсуждение темы определенной главы этого учебника. Например, главу по гендерной теории открывает цитата из Дж.С. Хайд: «Меня волнует, что в нашей области знания существует определенная диспропорция между теорией и критическим отношением к ней. <...> Я думаю, что феминистская психология, подобно традиционной психологии, допускает господство привилегированных теорий над эмпирическим знанием. <...> Если мы хотим достичь успеха в социальных изменениях, нам придется работать с нашим непосредственным опытом, который зиждется на фактах, и, более того, эти факты должны быть впечатляющи...» (с. 42)².

Далее следует краткий обзор содержания главы. Например, главу 1 по основам гендерного знания предваряет вопрос: «Что есть теория и почему нам нужно так много этих теорий?». После этого вступления следует краткое описание особенностей биологического, социологического, антропологического, психологического и культурологического подходов к понятиям *пол* и *гендер*, сопровождающееся критической оценкой каждого из них. При этом каждый содержательный пункт главы текста снабжен вопросами на выработку у читателей навыков критического мышления. Их цель - спровоцировать дискуссию, завязать диалог с аудиторией после прочтения требуемого теоретического материала. Так, в главе 6, посвященной гендерным отношениям и их возрастной динамике, читателя просят прокомментировать традиционный американский свадебный ритуал и ответить на ряд вопросов - например, «Почему именно отец выдает дочь замуж?», или «Почему семья невесты обычно оплачивает свадебные расходы?» и др. А в главе 9, которая называется «Гендер и физическое здоровье», в качестве задания на выработку навыков критического мышления студентов просят проанализировать данные по гендерным различиям в продолжительности жизни и оценить приводимые автором объяснения этих различий.

В начале каждой главы после краткого изложения содержания приводится список учебных целей, стоящих перед читателем, который представляет собой перечень тех знаний и навыков, которыми должен овладеть обучаемый после прочтения этой главы.

Чрезвычайно полезным в методическом плане, мне кажется, является и то, что вся уточняющая информация (например, описание терминов и понятий, необходимых для понимания содержания материала) приводится прямо по тексту главы, а не выносится в отдельный предметный или терминологический глоссарий. Это существенно облегчает, на мой взгляд, восприятие текста. Также увеличению информативности текста (и, в конечном счете, облегчению его восприятия) способствует наличие множества графических элементов (таблиц, рисунков, иллюстраций), различного плана графических выделений, чередования шрифтов и прочее. Все эти элементы используются автором как для повышения степени структурированности содержания текста, так и его наглядности, что приводит в результате к облегчению усвоения и понимания предмета изучения.

При этом содержательная часть каждой главы строится приблизительно по такой схеме: цели, краткий обзор истории вопроса, анализ основных подходов, моделей, концепций и выводы по главе. Дополнительный ресурсный материал со всеми кросс-культурными приложениями и особенностями проявления гендера в различных культурах дается в виде особых вставок.

Таким образом, текст учебника представляет собой определенным образом организованный гипертекст с разработанной навигационной системой в виде инструкции лектору. В результате мы можем сказать, что Грейс Гальяно нашла очень удачный вариант для учебника по гендерным исследованиям, который с успехом можно использовать в качестве 1) введения в гендерные исследования для студентов, только приступивших к основам изучения гендера; 2) пособия для аспирантов, специализирующихся в конкретной предметной области; 3) пособия для активистов общественных организаций, которым требуются теоретические знания для реализации определенных практических потребностей.

Особенностью этого учебника является также и то, что любая глава из этой книги очень удачно может «вписываться» в предметные рамки необходимого научного направления, изучающего гендерные аспекты нашего общества: от социологии до лингвистики и т.п.

Какими же способами поддерживается интерактивность в подаче материала и создается гипертекстовая структура всего учебника?

Автор достигает этого, используя целый ряд приемов. Так, в начале главы идет специальная заставка под заглавием «Неожиданные встречи с гендером» (*Encounters with Gender*), содержащая примеры из повседневной жизни, поданные в историческом, кросс-культурном или же поликультурном контексте. В конце заставки обязательно следует ряд вопросов к студенту, при ответе на которые требуется высказать свое собственное мнение и отношение. Кроме того, в каждую главу учебника включены своеобразные гендерные ящички, сделанные в виде таблиц под названием «Основы гендера (отношения, мысли

и переживания)» (*ABC's of Gender: Attitudes, Beliefs and Concerns*). Их основная задача - вызвать у читающего саморефлексию, самооценку относительно особенностей своего индивидуального гендерного поведения и своих личных гендерных взглядов и стереотипов. Например, в главе 1, содержащей сжатый анализ проблем в области психологии гендера, студентов просят высказать свое личное мнение и описать собственное восприятие особенностей мужского и женского поведения. Их также просят обратить внимание на то, как их собственные взгляды и суждения могут стать базой для стереотипных представлений о гендерных ролях. А в главе 10 «Гендер и работа» студенты изучают свои собственные отношения к гендерным аспектам трудоустройства: их просят составить круговую диаграмму, отражающую, как они представляют баланс между собственными профессиональными и семейными обязанностями в будущей жизни; затем им предлагают сравнить их идеальную, воображаемую, ситуацию и реальную.

Следующая примечательная черта в композиции книги - это наличие вставок в виде таблиц под названием «Быстро овладей и расширь!» (*Zoom & Enlarge*). Эти вставки содержат описание необычных, захватывающих или остро дискутируемых в обществе гендерных тем и случаев из повседневных практик. Так, в главе 2 по методологии гендерных исследований задается вопрос о том, а надо ли вообще исследовать гендерные различия. А в главе 5 «Гендер и возраст» под названием «Быстро овладей и расширь!» содержится информация по кросс-культурным гендерным особенностям ритуалов погребения усопших. В главе 9, посвященной гендерным аспектам образования, под этой рубрикой можно найти описание практик движения Талибан в Афганистане относительно вопросов женского обучения, трудоустройства и здравоохранения.

К одной из инноваций, которая входит в композицию этой книги, можно отнести и сопровождение каждой главы серией слайдов, которые предлагают кросс-культурный взгляд на гендерную проблему, обсуждаемую в главе. Так, в главе 5, описывающей связь гендера с сексуальностью, слайд-шоу иллюстрирует всё разнообразие гомосексуальных практик, существующих в различных культурах и эпохах, начиная с сексуальных воинских ритуалов, существовавших в древнегреческой Спарте и оканчивая показом жизни бразильских трансгендерных мужчин-проституток. А в главе 14 «Гендер и власть» некоторые аспекты проблемы домашнего насилия проиллюстрированы российскими, бразильскими, румынскими, сербскими и ливанскими примерами из реальной повседневности.

Добавим, что несколько карикатур в тексте книги также вносят необходимый колорит к разнообразным злободневным проявлениям гендерных особенностей в нашей реальной жизни.

И последнее, что представляется очень важным - это сопровождение каждой главы книги гиперссылками на наиболее интересные и значимые сайты в Интернете по данной области знания с приведением списка ключевых слов для поисковых машин Интернета.

Книгу дополняет обширный библиографический материал (на 56 страницах), а также предметный и именные указатели, существенно облегчающие навигацию по всему содержательному корпусу книги.

Мне кажется, что трудно вообразить более грамотную структуру методического пособия по введению в предметную область гендерных исследований. Я думаю, что иначе быть и не могло, т.к. такой необъятный предмет исследования, как гендер в кросс-культурной парадигме можно было охватить только с помощью высокоструктурированного текста, с грамотно построенным ссылочным и навигационным аппаратом.

В содержательном плане текст книги можно разделить на четыре части.

Первая часть посвящена описанию основ психологии гендера и гендерной теории (*Foundations for a Psychology of Gender*). Её основная цель - создать философский и методологический контекст, необходимый для изучения гендерной проблематики в психологии. Она включает три главы.

Первая глава («Соотношение между полом и гендером») начинается с традиционных различий между полом и гендером, затем приводится анализ различных гендерных парадигм в современной науке. Очень целесообразным, как мне кажется, является в этой главе список ведущих научных журналов по гендерной проблематике, а также список наиболее часто задаваемых студентами вопросов о гендере. Под рубрикой «Быстро овладей и расширь!» приводятся наиболее интересные впечатления и мысли студентов, которые только приступили к изучению гендера.

Последующие главы («Особенности изучение гендера» и «Гендерные теории») призваны расширить и углубить теоретические познания студентов в этой области. На мой взгляд, особенно интересна вторая глава этой части, которая содержит описание гендерных методов (качественных, количественных, феминистских и т.д.) в их практическом использовании с учетом кросс-культурного контекста. Примечательно, что в отличие от нашей методологической системы, где собственно методы и методики излагаются, как правило, в конце изучаемого материала, здесь весь исследовательский инструментарий описан в начале. Всё делается для того, чтобы студент в процессе изучения курса мог приступить к проведению своих собственных исследований, а также мог критически анализировать исследования других специалистов.

Вторая часть книги рассматривает категорию «гендер» в ее динамике, развитии. Она называется, образно говоря, «К гендеру через всю жизнь!» (*A Life Span Approach to Understanding Gender*). В неё входит четыре главы, показывающие взгляд на гендер снаружи, изнутри и со стороны:

- гендер и телесные практики, включая психофизиологические, нейроанатомические и нейрохимические основы полового диморфизма (глава 4);
- гендерные особенности возрастной психологии, описывающие все возрастные стадии жизни человека от рождения до смерти (глава 5);
- гендер в системе межличностных отношений: дружба, ухаживание, брак, развод и воссоединение, особенности семейного устройства в постиндустриальном обществе (глава 6), где содержатся и крайне интересные материалы о гомосексуальных и полигамных семьях;
- гендер как социальный перформатив (глава 7). Эта глава рассматривает преломление сквозь гендерные линзы различных социальных практик, например, языковых.

Третья часть книги называется «Гендерная жизнь» (*The Gendered Life*) и в неё входит четыре главы:

- гендер и сексуальность (глава 8), в которой приводятся как биологические основы сексуальности, её возрастные особенности, так и описываются различные сексуальные практики (в т.ч. и в межкультурном аспекте);
- гендер и образование (глава 9), на мой взгляд, является одной из лучших в книге. В ней гендерная перспектива в образовании излагается с учетом всего накопленного прошлого опыта, что крайне редко встречается в учебниках по введению в предмет той или иной дисциплины. Наиболее подробно освещаются возрастные, дисциплинарные и межкультурные особенности гендерного образования;
- гендер и работа (глава 10). В этой главе рассказывается о гендерных особенностях в разделении труда, о дискриминационных практиках относительно трудоустройства и карьеры. Отдельно оговариваются проблемы карьерного роста женщин, и особенно женщин, занятых в бизнесе. Также описываются кросс-культурные особенности разделения домашнего труда и досуга в семьях;
- гендер и физическое здоровье (глава 11). В этой главе дается краткий гендерный анализ (своеобразный исторический экскурс) проблем здравоохранения и описывается система факторов, влияющая на гендерные особенности состояния нашего здоровья. В этой же главе подробно анализируются и причины возникновения венерических заболеваний, их лечение и профилактика, а также проблема ВИЧ-инфицированных;
- гендер и душевное здоровье (глава 12) описывает те аспекты жизненного опыта и практик, где категория «гендера» занимает одну из ключевых позиций. В этой главе, на мой взгляд, очень интересен анализ специфически «куль-

турных» болезней (таких, как *коро*, *психоз*, *виндиго*, *лата* и т.д.), т.е. некоторых болезненных состояний человека, которые характерны только для определенных культур. В этой же главе подробно описываются явления трансвестизма, трансгендеризма и транссексуализма.

Последний раздел книги называется «Гендерное сообщество» (*The Gendered Society*), и он является своеобразным шагом вперед к более социологическому видению и анализу категории «гендер». Этот раздел открывает глава, изучающая роль и воздействие СМИ в отражении и поддержании существующих в обществе гендерных стереотипов, преломленных через специфические культурные традиции. Тут особое место отводится детским медиа, практикам конструирования гендера в рекламе, а также анализу Интернета как специфической гендерной среды.

Следующая глава 13 посвящена проблеме гендера и власти; в ней доказывается, что существующие властные отношения в обществе являются причиной распределения гендерных ролей и связей, существующих в различных обществах и культурах. Здесь отдельно оговариваются и проблемы сексуального и домашнего насилия с учетом национальных и культурных особенностей. В этой главе также подробно анализируются и гендерные проблемы институализации власти, особенно политической.

Последняя глава этого раздела и всей книги «Гендер и будущее» посвящена анализу гендерной перспективы в эпоху глобализации. Особенно привлекает читателя личностный лейтмотив этой главы, неявно содержащий вопрос: «А что значит гендер для тебя, читатель?».

Примечательно также и то, что в самом конце учебника содержится оценочная форма для преподавателя гендерных дисциплин, в которой автор любезно просит ответить на поставленные вопросы относительно полезности этой книги. В этой форме наряду с традиционными оценочными вопросами типа «Что больше всего понравилось или не понравилось в книге?» содержатся также следующие вопросы: «Все ли главы книги будут использованы Вами в Вашем учебном курсе?», или «Прочли ли вы все её главы, а если только избранные, то каков был Ваш выбор?» и т.д. Этот момент также направлен, по моему мнению, на поддержку уровня саморефлексии самого преподавателя, а не только студента, интересующегося гендерной проблематикой. В целом книга демонстрирует интерактивный подход к образованию, когда роль обучающего и обучаемого может постоянно меняться, что в корне противоречит, например, традиционным принципам в системе советской педагогики. И тут приходится только искренне сожалеть, что подобного уровня учебник отсутствует в нашем постсоветском пространстве, где он бы смог «закрыть» своеобразные методологические лакуны, особенно в области преподавания кросс-культурных гендерных исследований...

И последнее... Мне кажется, что текст этой книги сам по себе является блестящей иллюстрацией к фразе Ф. Броделя: «Дать увидеть так же важно, как дать понять».

¹ *Learner-centered approach in teaching* является одним из наиболее распространенных в западной образовательной парадигме и особенно в феминистской педагогике. Основная его цель - сделать обучаемого активным элементом в обучаемой системе с помощью целого спектра интерактивных методических приемов (см. подробно: *Gender in the Classroom: Power and Pedagogy*, in Susan L. Gabriel, Isaiah Smithson, eds. (Urbana: University of Illinois Press, 1990).

² Перевод данной цитаты выполнен Е.И. Горошко.

Ольга Пироженко. Феминизм для чайников, или что находится между альфой и омегой

The Routledge Companion to Feminism and Postfeminism, edited by Sarah Gamble (London, New York: Routledge, first published 1998, 2001, reprinted 2004)

Сейчас тяжело писать о феминизме. Чтобы делать это правильно, нужно слишком много знать.

Айзенштайн Зилла. Против Империи

Первое, что делает группа, ищущая общественного признания - пытается создать ощущение собственной истории, а именно, обладать этой историей и определять ее.

Hodgson-Wright S. Early Feminism¹

Данное издание, несмотря на его скромное название «Справочник по феминизму и постфеминизму», вполне можно назвать миниэнциклопедией феминистской истории и теории. По структуре оно сходно с энциклопедическим словарем, таким, например, как *Энциклопедия Британика*: книга также разделена на три основные части: своего рода Макропедию, Микропедию и Индекс. В

первой, макропедической, части содержатся статьи, посвященные истории развития феминистского движения и феминистской теории (первые четыре статьи), а также тематические реферативные статьи, которые освещают взаимное влияние феминистской теории и различных областей научного знания. Заголовки последних объединяет общее начало «Феминизм и...»: Феминизм и гендер, Феминизм и развивающийся мир, Феминизм и новые технологии, Феминизм и кино, Феминизм и популярная культура, Феминизм и тело, Феминизм и литература, Феминизм и язык, Феминизм и философия, Феминизм и религия, Феминизм и психоанализ. Каждая из этих статей является, в свою очередь, минисправочником, в котором можно найти основные этапы развития данных тем, существующие по ней дебаты, а также имена ключевых фигур, и базовые источники, являющиеся по данным темам фундаментальными. Первая часть книги связана со второй посредством перекрестной системы ссылок.

Вторая часть представляет собой толково-этимолого-энциклопедический словарь, в котором указаны наиболее значимые для феминистской теории имена, а также наиболее важные понятия как самой феминистской теории, так и такие, которые используются феминистской теорией. Важно, что словарь не только разъясняет термины, но и приводит данные из истории их появления. Несмотря на небольшой объем словаря, диапазон персоналий и терминов в нем очень широк - от философа Симоны де Бовуар до певицы Анни Леннокс, от определения фемининности до феминистской трактовки термина «научная фантастика». Таким образом, читая статьи первой части, можно выйти на словарные ссылки, данные во второй части, а через них - на другие словарные статьи. Кроме того, в книге помещен библиографический список, включающий наиболее значительные книги и статьи по всем тематикам, а также индекс, с помощью которого можно без труда найти нужную информацию.

Все это повышает интерактивность данного издания и делает его чрезвычайно привлекательным для чтения. Можно сказать, что в нем прекрасно выдержана пропорция между серьезностью и игрой, научным и популярным дискурсом. Сами составители сборника также указывают на это его свойство как на достоинство, отмечая, что он, как и другие справочники издательства *Routledge*, сочетают «основательный научный подход лидирующих специалистов и прямой, без научного жаргона, язык». Таким образом, статьи первого раздела помогут сориентироваться в вопросах, связанных с теорией и историей феминизма, расскажут, что актуально, обрисуют область противоречий и разногласий и дадут краткий обзор разработанности темы, а словарь поможет сделать определенные уточнения, связанные с этой темой.

Можно с уверенностью сказать, что данный словарь является незаменимым источником информации, как для новичков в изучении феминизма, так и для специалистов. Как утверждает редактор этого справочника Сара Гэмбел, «это не первый опубликованный словарь по феминизму. Однако он выходит

именно сейчас, когда термин „феминизм“ все чаще вызывает острую полемику» (viii) . За свою достаточно длинную историю феминистская теория и практика претерпели значительные изменения. Получив официальный статус и будучи легитимированной в западной Академии, феминистская теория образца второй волны пережила и продолжает переживать большие потрясения, а феминистские идеи - трансформироваться и видоизменяться. В этой ситуации данный словарь представляет особый интерес, так как в нем изложены различные, зачастую противоречивые, взгляды и прогнозы на будущее феминизма, предлагаются разные варианты развития событий.

Статьи написаны разными авторами, поэтому вместе они не образуют некое гомогенное целое и не представляют целостную точку зрения на феминизм. Однако, несмотря на это, идеологически словарь в целом выдержан в традиции репрезентации феминизма как западного явления. История феминизма представлена как история феминистского движения двух стран - Великобритании и США. Исключение составляет раздел, посвященный феминизму во Франции времен второй волны, но это вполне закономерно - рассуждать о теории феминизма этого периода сложно, не упоминая Симону де Бовуар. При этом сама история феминизма представлена как поступательное движение, развивавшееся от события к событию, от волны к волне. Как отмечает одна из авторов сборника, Алка Куриан, автор статьи «Феминизм и развивающийся мир», историческая и теоретическая категоризация феминизма (например, привычное разделение истории феминизма на «волны») по традиции осуществляется в терминах американских и европейских событий и персоналий и, таким образом, «великий нарратив» феминизма становится историей западных стремлений и отодвигает опыт не-западных женщин на край феминистского дискурса (с. 66). Такую маргинальную позицию занимает в словаре и сама статья А. Куриан. Как утверждает редактор сборника Сара Гэмбел, данная статья включена в сборник как знак понимания того, что феминизм «не является исключительно европейским или американским явлением» и для того, чтобы «дать читателю представление о тех противоречиях и тех возможностях освобождения женщин, которые может обнаружить феминизм в переводе в незападные контексты». Примечательно, что в качестве такого «незападного» контекста выбрана бывшая колония Британской Империи, Индия, а положение феминизма в этой стране описывается редактором сборника в терминах «перевода» (или трансляции - в оригинале используется слово *translation*) феминизма с западного языка на «незападный».

Между тем, такой подход не только редуцирует все множество и разнообразие «незападных» феминизмов, но сводит и все «западные» феминизмы к одному, магистральному. Как отмечает Зилла Айзенштейн, одна из ведущих американских феминистских теоретиков «третьей волны»: «Запад и не-Запад вполне реальны и созданы из связанных географических/культурных локаль-

ных мест. Взаимодействия между империями и их колониями, между колонизаторами и колонизированными, между рабами и рабовладельцами, между людьми с разным цветом кожи неверно прочитываются как разделение и оппозиция. Феминизмы ощутимо страдали от этого разделения. Их ошибочно гомогенизировали как одно целое, а затем определили как западные. Это отрицает множественность форм феминизмов на „этом“ Западе. И множественность форм феминизмов за пределами „этого“ Запада. В этом случае феминизмы утрачивают свою многозначность, а это значит, что они выражают только то, что в женщинах сходно»². Осознавая опасность такого положения дел, Айзенштейн призывает западный феминизм «выступить против культурной и экономической доминации этой страны, которая невероятно тяжело и болезненно переживается людьми как в самих Штатах, так и в других странах: Афганистане, Ираке, Руанде, Палестине, Израиле и т.д.»³.

Эта точка зрения, в принципе, не противоречит точке зрения редактора сборника Сары Гэмбел, которая отмечает, что «прочитать историю феминизма - значит раскрыть все существующие споры, разногласия и различные точки зрения» (viii). Однако, несмотря на это заявление, вряд ли можно сказать, что словарь действительно раскрывает все точки зрения. Особенно это касается исторических аспектов феминизма. И это не случайно, - перефразируя известную поговорку, можно сказать, что тот, кто определяет историю - владеет миром. Редукция истории феминизма до истории феминизма на западе, репрезентация всего многообразия феминизмов в «незападных» странах, не говоря уже о полном замалчивании иных форм феминизма, существовавших в контекстах стран социалистического лагеря, все это достаточно характерно для феминистского академического дискурса на западе. И в общем-то, написан этот словарь тоже для западного читателя. Кроме того, формат данного издания не предполагает глубокого погружения в полемику и проблемные вопросы. А значит, заявленное в аннотации то, что эта книга является «прекрасным путеводителем для нахождения собственного пути в том, что стало чрезвычайно сложным предметом (теории феминизма)» не совсем выполнимо, так как некоторые из маршрутов в этом путеводителе просто не обозначены и, соответственно, дорога для неопытных путешественников по ним заказана.

¹ The Routledge Companion to Feminism and Postfeminism, in Sarah Gamble, ed., p. 5.

² Айзенштейн Зилла «Против Империи», *Гендерные исследования*, №10, 2004, с. 31.

³ Там же.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
№13 (1/2005)

Адрес редакции:
Украина, 61022
Харьков-22, п/я 4558
Харьковский центр
гендерных исследований

Тел./Факс: (057) 7140929
E-mail: kcgs@univer.kharkov.ua
<http://www.kcgs.org.ua>

Корректор Е. Чуйкова
Оригинал-макет С. Баранник

Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс".
Печать офсетная. Усл. печ. 20 л. Уч.-изд. л. 21. Тираж 1 000.